

А. ЛАЗАРЧУК
М. УСПЕНСКИЙ

ПОСМОТРИ В ГЛАЗА ЧУДОВИЩ

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ ЧУМА

Гиперборейская чума

Михаил Успенский

Посмотри в глаза чудовищ

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Посмотри в глаза чудовищ / М. Успенский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Гиперборейская чума)

Перед вами, уважаемый читатель, первая часть знаменитой трилогии «Гиперборейская чума» Андрея Лазарчука и Михаила Успенского. Книга, признанная лучшим фантастическим произведением 90-х годов прошлого и начала нынешнего тысячелетий. Николай Степанович Гумилёв. Известный поэт-символист Серебряного века не расстрелян в подвалах ЧК, а выкуплен оттуда за золото, стоимость которого превышала сумму выкупа Петра I из турецкого плена. Выкупает его ни много ни мало сам сподвижник императора Яков Брюс. И всё это для того, чтобы Николай Гумилёв смог помочь некоему тайному ордену в противостоянии с нечеловеческим разумом. Но не космического, а самого что ни на есть земного происхождения... Впечатляет? И это только завязка романа...

© Успенский М.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	14
Промедление смерти[50]	20
3	24
4	28
Между Числом и Словом[92]	32
5	38
Когда я был влюблён...	43
6	51
Промедление смерти	55
7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Лазарчук, Михаил Успенский

Посмотри в глаза чудовищ¹

Роман

Авторы признательны Дмитрию Быкову за расшифровку и подготовку к печати стихов из чёрной тетради.

Повествование основано на реальных фактах. Авторы сочли необходимым изменить некоторые имена и несколько сместить место и время отдельных событий.

Фея: Ничего не поделаешь, я должна сказать вам правду: все, кто пойдёт с детьми, умрут в конце путешествия...

Кошка: А кто не пойдёт?

Фея: Те умрут на несколько минут позже...

Морис Метерлинк²

– Револьвер да зубная щётка – вот и всё, что нам понадобится.

Конан Дойль³

² Эпиграф взят из философской пьесы бельгийского писателя М. Метерлинка «Синяя птица» (1908), невероятно популярной в России в начале XX века. Она стала символом творческой позиции и новаторских поисков МХАТа. Более ста лет не сходит со сцены многих театров мира – в частности, МХАТа.

³ Эпиграф взят из рассказа А. Конан Дойля «Пёстрая лента» (*The Adventure of the Speckled Band*). Впервые опубликован журналом Strand Magazine в февральском выпуске 1892 года.

Часть первая

1

В этом нет ничего нового, ибо вообще ничего нового нет.
Николай Рерих⁴

Конец света, назначенный, как известно, знаменитым конотопским прорицателем⁵ безумным арабом Аль-Хазредом⁶ на седьмое января, не состоялся.

...А может, и состоялся, подумал Николай Степанович, глядя на заснеженную и промороженную до неподвижности тайгу. Что, если по всей земле стоят сейчас такие же холода, стены утонувшего в зарослях краснокаменного храма в верховьях реки Луалабы⁷ покрыты мерцающим инеем, ставшие стеклянными лианы крошатся со звоном под тяжестью снега и осыпаются на гранитной твёрдости торфяники, необозримые бегемотьи стада превратились в россыпи заиндевших валунов, и башня Беньовского на Мадагаскаре⁸ неразличима на фоне внезапно побелевших гор...

– Вот так, значит, прямо и пойдёшь? – вкрадчиво поинтересовался один из пилотов-вертолётчиков, пожилой, мордастый, наглый, важивавший в своё время по охотничьим заимкам⁹ прежнего беспредельного владыку беспредельного края. Владыка любил, отохотившись и разогнав прочую челядь, выпить с пилотом и пожаловаться ему на раннюю импотенцию...

– Так и пойду.

Любому городскому простофиле, не то что этим летучим волкам, ясно было бы: не таёжник стоит перед ними, а некто беглый, которого если и будет кто искать, так не те, кого он хотел бы увидеть тут, вдали от цивилизации... Сапоги на Николае Степановиче хоть и зимние, но испанские, анорак¹⁰ хоть и меховой, но шведский, лыжи хоть и австрийские, но беговые, узкие, так что он и сейчас стоял в снегу по колено. Один только швейцарский армейский рюкзак заслуживал уважения, но что рюкзак?...

– Всё равно ведь заоченеешь.

– А это уже только моё дело.

– Так ты лучше нам денежки-то все оставь. Целее будут, – и в голосе воздушного волка прозвучала нотка нежности.

– Неужели тысячи долларов Северо-Американских Соединённых Штатов¹¹ вам мало? – искренне удивился Николай Степанович.

⁴ Цитата из статьи Н. К. Рериха «Культура» (1931). Полностью: «Мы просим наших друзей каждый день мыслить, произносить и применять понятия красоты и Культуры. В этом нет ничего нового, ибо вообще ничего нового нет. Но мы собираем около этих ценных понятий новое усилие, мы стремимся помочь напряжению созидательной энергии.»

⁵ Ироническая контаминация сквозного персонажа произведений Г. Ф. Лавкрафта и главного персонажа романа И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1922).

⁶ Безумный араб (обезумел от частого упоминания его имени в произведениях Г. Ф. Лавкрафта). В Конотопе проживает без прописки. Один из авторов книги «Некрономикон».

⁷ Название реки Конго до водопадов Стэнли.

⁸ Точнее, развалины крепости, построенной в ходе освоения Маурицием Бениовским (см. далее) Мадагаскара для обороны от французов.

⁹ Диалектное наименование небольшого дома и участка, чаще всего в лесу или тайге.

¹⁰ Инуитская рубаха-куртка с капюшоном и без передних застёжек, на тысячи ладов переосвоенная европейцами.

¹¹ Николай Степанович (далее НСГ) иронизирует над мародёрами: он отлично знает, что эта страна так называлась только в России и только в начале XX века.

– Это когда же их переименовали? – в свою очередь удивился другой пилот и даже опустил ствол карабина.

– Ты мне кончай Муму пороть, – сказал первый. – Щас вот положим тебя и полетим. А так – не положим. Понял? Ну?

– Итак, вы мне предоставляете полную свободу выбора, – кивнул Николай Степанович. – Хорошо. Пятачок я вам накинута. На бедность.

– Ты эта... – шагнул к нему первый, вздымая снег – и вдруг замер.

– Отойди, Васильич, я его лучше из винта грохну, – внезапно севшим голосом сказал второй. Карабин в его руках заплесал.

– Вас ист «грохну»? – спросил Николай Степанович.

– Ист бин шиссен, – неправильно, но доходчиво объяснил второй.

– Как интересно, – сказал Николай Степанович, приглашающе улыбнувшись. И второй улыбнулся лстыиво и беззащитно.

А неплохой карабин, подумал Николай Степанович. Грех его *таким* оставлять... Он чуть выше поднял ладонь. На ней, точно прилипший, лежал медный советский пятак¹². Образца тысяча девятьсот шестьдесят первого года, но незаметно для стороннего глаза исправленный и дополненный. Оба пилота воззрились на пятак, как на внезапную поллитру с похмелья, и больше от него глаз не отрывали.

– Карабинчик попрошу, – бросил небрежно Николай Степанович, стряхивая с ног лыжи и поднимаясь в тесную кабину Ми-2¹³.

– Извольте, ваше благородие, – подобострастно вымолвил второй. – Патрончики по счёту принимать будете али как?

Второй преобразился. Вместо нормального аэрохама возник денщик по пятому, как бы не боле, годку службы у полкового барбоса-интенданта. Первый сохранял прежний вид, но вести себя по-своему тоже уже не мог.

– В свете принятых решений, – сказал он неопределённо – и вдруг заткнулся, как бы подавившись привычными словами.

Николай Степанович подышал на пятак, приложил к лобовому стеклу кабины – пятак прилип.

– Летите, голуби, – сказал Николай Степанович, спрыгнув в снег. Пилоты, отталкивая друг друга, полезли в кабину.

Через минуту похожая на черноморского бычка машина, подняв тучу морозного снега, скрылась за вершинами елей. Николай Степанович вздохнул. Не то чтобы ему было жалко пилотов... Машину – жалко, это да. Впрочем, вполне может быть, что и долетят, подумал он, но о пассажирах своём забудут навсегда.

Он откопал заметённые лыжи, попрыгал, примеряясь к рюкзаку, поводит открытой ладонью перед собой, определяя направление – и тяжело пошёл, загребая рыхлый кристаллический морозный снег. Остывающее солнце начинало бессильно клониться к синим щетинистым сопкам.

До *зимовейки*¹⁴ было с полкилометра, но сквозь густой заснеженный ельник он проби-вался около часа. Хуже приходилось разве что тогда, в северном Конго, да и то – из-за вони.

Воняло одинаково: что от болот, что от людей, что от негров...

¹² Пятикопеечная монета этого образца после 1973 года уже не чеканилась. Магические свойства зависят от числа колос-сеев, видимых внутри венка, и числа рубчиков на гурте. Внесение этих изменений требует высочайшей квалификации.

¹³ Многоцелевой вертолёт, созданный в 1961-м году ОКБ-329 под руководством М. И. Миля. Может перевозить до 10 пассажиров или 1,5 тонн груза. Построено 5,5 тыс. машин. Используется до сих пор как спортивный, а также в региональных авиаотрядах, занимающихся предоставлением авиауслуг крупным предприятиям.

¹⁴ Очень маленькая избушка, предназначенная для укрытия от непогоды, а отнюдь не для жилья; в отличие от зимовья, мала настолько, что в ней можно только сидеть или лежать.

Откопав дверь, он на четвереньках забрался в тесное стылое нутро зимовейки. Топить крошечную соляровую печурку и греться было некогда, да и без печки ему было по-настоящему жарко. Он лишь переменял щегольские сапоги на слежавшиеся собачьи унты¹⁵ и выволок из-под топчана широкие лыжи, подбитые камусом¹⁶. Потом подумал и, свернув, приторочил сверху к рюкзаку выдавший многие виды рыжий романовский полушубок¹⁷. Завтра кто-нибудь из внуков или правнуков Парамона Прокопьяча отнесёт всё обратно...

Николай Степанович живо представил, как обрадуется Прокопьяч городским дозволенным верою гостинцам: грецким орехам, свежим дрожжам, кусковому колотому сахару, цукатам, патронам, капсюлям, пороху «сокол», картечи, а особенно новенькому, буквально с неба снятому, карабину «рысь»¹⁸. Лыжи шли легко, да и вела к Предтеченке узкая, чужому взгляду незаметная, просека, где все пеньки были давно повыворочены.

Через час размашистой ходьбы он почувствовал запах дыма – однако не тот живой, желанный, хлебный, – а уже холодный, с примесью большой беды. Но к тому, что он увидел, приготовиться было невозможно...

Не было на свете больше никакой красивой и тихой старообрядческой деревеньки¹⁹ Предтечки о двенадцати дворах с обширными огородами, многочисленными надворными постройками, банями, садами и палисадниками, общественным лабазом – и молельным домом, срубленным из железной красноватой лиственницы. Вместо всего этого лежало грязное пятно копоты, из которого неистребимо, как в войну, торчали печные трубы; местами багровели тронутые пеплом уголья, да тянулись в белое небо неподвижные синеватые столбы дыма и пара.

Вот он и кончился, едва лишь начавшись, его ледяной крестовый поход²⁰...

– Ладно, – сказал он и стал спускаться к пепелищу.

Он чувствовал, знал – потому что видел однажды подобное, – что впереди нет ни единого живого существа. И что здесь побывала не городская банда охотничков, которым надоело униженно выклянчивать по одной собольей шкурке и медвежью жёлчь²¹ по пенициллиновому пузырьку, и они решили взять всё разом, – и не чекисты (или как они там нынче называются?), пронюхавшие-разведавшие, наконец, про существование неведомой и невидимой миру со времён Петра-Анхихриста²² таинной деревеньки²³; нет, это был след другой силы... потому что ни

¹⁵ Бесценная вещь. Особенно мехом внутрь. Спасибо и извинения собакам. Даже олени и медвежи хуже.

¹⁶ Камус – шкура с голени оленей или лошади. Подбитые им лыжи не скользят назад и отлично несут вперёд.

¹⁷ Полушубок из шкур овец романовской породы, тоже неоценимая вещь на позициях. И вообще. «Весу шесть фунтов, а жару от трёх печек». Обычно красились в чёрный цвет, рыжий – достаточно редкий.

¹⁸ Гладкоствольное помповое ружьё 12 калибра. Достоинства: компактность, многозарядность, малый вес, – совершенно не компенсируются низкой точностью, неудобством перезаряжания и очень сильной отдачей.

¹⁹ Старообрядцы, староверы, раскольники – собирательное название «древлеправославных»: множества течений и субконфессий, не признавших реформу патриарха Никона и царя Алексея Михайловича «Тишайшего». Староверы зачастую жили обособленно от мира, ограничиваясь только самыми необходимыми контактами. Что, однако, не помешало возникновению и развитию богатейшего и влиятельнейшего старообрядческого купечества – фамилии Третьяковых, Морозовых, Щукиных, Рябушинских, Кузнецовых (создателей русского фарфора) известны всем.

²⁰ Контаминация двух понятий. «Крестовый поход» – почти трехсотлетняя война из восьми походов средневекового рыцарства и духовенства против мусульман с целью освобождения Иерусалима и Гроба Господня. Ледяной поход – первая крупная операция Добровольческой (белой) армии против красных войск, проходившая с февраля по апрель 1918 года в исключительно трудных погодных условиях. Также Ледяным походом назывались переход кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт зимой 1918 года и организованное отступление армии Колчака от Урала до Красноярска.

²¹ Секрет жёлчного пузыря медведя, которому народная медицина приписывает множество целебных свойств.

²² Старообрядцы считали Петра Великого Антихристом, появление которого было предсказано в «Апокалипсисе». Подробно об этом писал Д. Мережковский в исторической трилогии «Христос и Антихрист», посвятив Петру третью книгу: «Пётр и Алексей».

²³ Скрытые поселения старообрядцев, в основном в труднодоступных лесных и горных регионах. Также, по поверьям, некоторые особо намоленные места становились невидимыми и недоступными для «мирских» и иноверцев. Наиболее известен случай града Китежа.

бандиты, ни чекисты при всей своей глубинной людоедской сущности не оставляют на жертвах следов громадных зубов и когтей, не откусывают детям головы, не выедают у коров и лошадей кишки и не размётывают, как взбесившийся слон, избы по брёвнышку...

Уже на исходе дня, вымотанный до смерти, перепачканный сажей и кровью, Николай Степанович забрался в единственную уцелевшую баньку на подворье братьев Филимоновых; банька эта стояла чуть в стороне, у чистого ручья, и потому уцелела, не замеченная. Николай Степанович присел у каменки, достал нож, поднял с пола холодное полено и стал не спеша щепать лучину. Он знал, что до весны ему отсюда не выбраться, что без ключаря ключ в развалинах (даже если он там и остался) найти невозможно, и что тот посторонний, который сюда придёт, – придёт с ясной и конкретной целью...

Карабин здесь не помощник.

Были у народа карабины, были и ружья...

Только сейчас он почувствовал холод. А ночью будет под пятьдесят. Или даже за пятьдесят.

Всё, что здесь осталось от людей, я похороню весной, подумал он. А потом вернусь в город и похороню своих. Если выживу.

А я, к сожалению, выживу...

Завтра пепел остынет, и придут волки. Вон, уже слышно вдали... Хорошо, что успел снести людей в лабаз²⁴.

Не знаю староверских молитв... да не обидятся, наверное, если от чистого сердца... Ведь не кормил же меня Прокопич из отдельной посуды, как по их уставу древлеотеческому²⁵ положено.

Было так тихо, что еле слышное поскуливание за плотно притворённой дверью прозвучало для Николая Степановича архангельской трубой. А потом дверь приоткрылась, и в последнем сумеречном свете этого бесконечного дня возникло нечто белое.

– Ну, входи, – сказал Николай Степанович и с нервической усмешкой добавил: – Да побыстрей: холоду напустишь.

В ответ раздался совершенно невозможный звук: звонко подпрыгнули и упали в коробке спички.

Он молча протянул руку и взял коробок из пасти собаки.

– Греться, говоришь, будем? – спросил он.

Собака замахала хвостом, как сигнальщик флагом.

Каменка²⁶ накалилась скоро, и даже вода забурлила в котле – её там было немного, на самом дне.

– Чайком бы тебя напоил, да налить не во что. В ковшик разве? Будешь кипяточек?

Собака помотала большой головой. Она пристроилась к боку каменки и уже, похоже, отогрелась.

– А я попою, – сказал Николай Степанович. – Не водку же пить... хотя можно было бы теперь и водку... никого не обидишь.

Он вынул из рюкзака большую алюминиевую кружку, оплетённую берёстой, – память об одном философе с Соловков²⁷, – бросил в неё пять пакетиков чая «липтон», здоровенный кусок

²⁴ Здесь: свайный амбар, недоступный для диких животных.

²⁵ Устав старообрядцев запрещал есть за одним столом с «мирскими», пользоваться одной с ними посудой. Исключения делались только для дороги, но и там еда выкладывалась на своё полотенце и в свою посуду.

²⁶ Банная печь с котлом для воды.

²⁷ Скорее всего речь идет о П. А. Флоренском (1882–1937).

сахару, залил кипятком – и спустя несколько минут опустил в чёрный настой аэрофлотовскую упаковку сливочного масла. Получилось почти по-тибетски²⁸.

– Ну, вот, – сказал он и вытер пот со лба. – А теперь рассказывай, что тут было.

Собака жалобно посмотрела на него. Палево-белая, в чёрных «очках» вокруг глаз, она походила скорее на панду или лемура, чем на здешних забывших родство лаек. Откуда такая взялась?... Извини, брат кобель, не разглядел. Сейчас свечку затеплим, лучше будет...

Тем временем брат кобель выполз на середину предбанника – и... Николай Степанович никогда не видел такого. Пёс привстал, медленно огляделся и уставился на что-то невидимое, но приближающееся. Потом он попятился, коротко рывкнул – и вдруг, как от удара, опрокинулся на спину и откатился к самой стене. Из-под стены он пополз, не по-собачьи извиваясь всем телом и выпрямив хвост поленом. Потом как мог широко раскрыл пасть и зарычал низко, утробно. Потом было что-то вроде ловли злой кошкой воображаемых мышей. Поймав добычу, пёс становился на задние лапы, а передние тащил к пасти. И, наконец, словно насытившись сполна и наигравшись, снова по-змеиному уполз к стене. Там он и остался, замерев.

– Понятно, – Николай Степанович заварил вторую кружку. – Значит, зверь, вышедший из моря²⁹. В смысле, из реки. И пожре праведных... Имя своё ты мне, брат, сказать не сможешь? Или как-нибудь попробуешь?

Пёс вернулся к каменке и покачал головой.

– Нельзя, понимаю. Но звать-то тебя как-то нужно?

Вместо ответа удивительный пёс метнулся к двери, проскользнул в щель и аккуратным толчком задних лап плотно затворил баню. Николай Степанович вдруг нелогично подумал, что ещё не всё потеряно, потому что таких собак на самом деле не бывает. И – неожиданно спокойно задремал, привалившись к стене и даже не подвинув к себе поближе карабин.

Но ему приснились Аня и Стёпка, и он проснулся со стоном.

Пёс сидел на прежнем месте, будто и не уходил никуда. Перед ним на полу лежал тускло поблёскивающий осьмиконечный крест³⁰.

– А вот этого точно быть не может, – сказал Николай Степанович вслух. О том, где ключ схоронен, знал только сам Прокопьяч да старший внук его, Егор. Обоих он видел сегодня – смог узнать – там, в молельном доме...

Пёс тявкнул: может.

– А раз может, – сказал Николай Степанович, – то тогда давай-ка займёмся, брат, делом. Кто знает, что нам завтра предстоит...

Он натащил из поленицы дров, забил котёл снегом, слазил наверх за веником (много наготовили братья Филимоновы веников, до Троицы хватило бы...), с остервенением вымылся чисто и горячо, а потом надел свежее – из гостинцев – бельё, как когда-то перед наступлением. Влез в согретый полушубок, сел с ногами на лавку и, чтобы успокоиться и занять руки, стал крест-накрест надрезать пули³¹...

²⁸ В тибетский чай «чосуйме», «взбитый чай», кроме заварки прессованного пуэра, которая варится до трёх часов в молоке яка, добавляется соль и топлёное масло яка. Затем полученное долго взбивается в специальной ступе. Такой чай – сильнейший адаптоген, позволяющий существовать в условиях высокогорья и при низких температурах.

²⁹ В Библии – апокалиптический образ семиглавого и десятирогого чудовища (Откр., 13.1-17). Далее сказано: «И дано ему было вести войну со святыми и победить их».

³⁰ Также «крест Лазаря». Символ православной церкви. Кроме двух поперечных перекладин, имеет третью нижнюю, наклонную – правая часть направлена вниз. О форме креста яростно спорили православные и старообрядцы. Феодор Студит в XI веке учил: «Крест всякой формы есть истинный крест».

³¹ Крестообразные надрезы вначале применялись для увеличения поражающего действия конических пуль гладкоствольных ружей. В литературе первое описание такого апгрейда пуль для винтовок появилось в книге В. В. Гринера «Ружьё», изданной в России в 1888 году. Вскоре после этого англичане наладили промышленное производство таких пуль на мануфактуре в городке Дум-дум (правильнее Дам-дам) в пригороде Калькутты; название городка перешло на название самих пуль. Использование пуль дум-дум было запрещено Гаагской конвенцией 1899 года, однако пули эти применялись всеми воюющими странами до окончания Первой мировой войны. С тех пор пули дум-дум и вообще все экспансивные пули разрешены только

Пёс дремал.

Ночью ничего не произошло.

В восемь утра репетер его серебряного «лонжина»³² звякнул. В свои лучшие золотые тридцатые годы «лонжин» играл начало увертюры из «Вильгельма Телля», но со временем кулачок сносился, а нынешние часовых дел мастера умели лишь менять батарейки в гонконгской штамповке.

– Доброе утро, – сказал Николай Степанович потянувшемуся псу.

Перекусили, выпили чаю. Тьма снаружи медленно рассеивалась.

– Пора.

Воздух от стужи стал студенистым, не вполне прозрачным. Слипались ресницы. Брови, опущенные уши песцовой ушанки, натянутый на подбородок вязаный шарф мгновенно поросли куржаком³³. Лыжи долго не хотели скользить...

К реке можно было пройти по околице, но Николай Степанович намеренно сделал крюк. Встав перед молельным домом, в котором люди искали спасения от зверя крестом и молитвой, он обнажил голову, опустил на колени и перекрестился.

– Простите, православные, – тихо сказал он. – Не могу вас похоронить, а вот рассчитаться за вас – рассчитуюсь...

Никто не ответил. За ночь снег засыпал черноту, и следы, и всё, что здесь жило и сгорело...

До острова было метров сто – если лететь на крыльях. Лёд за островом был чёрный, выглаженный ветром, цветом подстать исполинской скале-быку на том берегу, а здесь, под высоким берегом – белый, заснеженный. И ровно под взвозом громоздились безобразные торосы, и яснее ясного было, откуда они такие взялись.

– Прямой нам дороги нет, – сказал Николай Степанович. – А с флангов обрывы. Такая диспозиция. И артиллерия в тылу застряла, по обыкновению. Что, господин гусар, делать будем?

Пёс всмотрелся в лёд, в остров, глухо тявкнул.

– На остров-то ему, думаю, хода не будет, – объяснил Николай Степанович. – Как твоё мнение? А вот на льду бы нам не задержаться...

Не ответив, пёс медленно, нюхая воздух и прислушиваясь, начал спускаться.

– Осторожней, гусар! – шепнул Николай Степанович вслед. Сам он повесил карабин на шею, распахнул полушубок и начал высвистывать ветер. Пар изо рта повисал перед лицом неподвижным облаком.

Получилось не сразу. Сначала ветер потянул в лицо, разорвал туман, обжёг щёки. Потом зашумело поверху. Иней посыпался с елей. И, наконец, застонало, завывало, загудело сзади – по настоящему. Когда-то любой чухонец мог такое...

Подхваченный вихрем, Николай Степанович слетел по взвозу на самый берег, обежал, пригибаясь, торосы справа – и подставил падающему с обрыва ветру распахнутые полы полушубка. Слева, звонко лая и подпрыгивая, танцевал на льду пёс. Взвизгнул под лыжами высохший от стужи снег. Не стой на месте, Гусар! Хорошо идём! Лёд задрожал. Пёс метнулся вперёд, потом вбок. Николая Степановича несло ветром. Всё, что не было прикрыто унтами и полушубком, мгновенно заоченело. Позади раздался громкий треск, но оглядываться дураков не было. Пёс заходил лаем. Трещины, как от попавшей в стекло пули, разбежались там,

для охоты, однако конструкторы боевого оружия всегда находят способ обойти подобные запреты. Для охоты надрезанные пули обычно применяются в тех случаях, когда возможен выход крупного зверя на охотника, вооружённого недостаточно мощным оружием.

³² Одна из самых популярных марок швейцарских часов, первыми стали выпускаться для наручного ношения. Репетер (репетир) – устройство, позволявшее на слух узнавать текущее время.

³³ Густой иней на окнах или входных дверях.

где он был секунду назад. Половину прошли, подумал Николай Степанович. До острова было ещё невысказанно далеко. За спиной с шумом перевернулась льдина – и раскололась. Пёс нёсся теперь быстрее гепарда, а за ним лёд выгибался горбом и ломался, ломался...

Они с Гусаром выскочили на берег одновременно, взглянули друг на друга и на всякий случай отбежали подальше от протоки. Потом посмотрели назад и повалились на снег...

Вход в рум³⁴, понятно, замело, но камень-замок оставался на виду – так уж он был устроен. Весь этот внешне обычный остров был устроен особо, но понять особость не то что простому человеку, но и непростому – было невозможно. Равно как и особость румов. Равно как и...

Николай Степанович негнушались пальцами извлёк из-за пазухи крест. Мало кто из нынешних мог увидеть и понять, что нижняя косая перекладина креста наклонена не по канону. Парамон Прокопьевич никогда не брал ключ голой рукой, всегда через чистую тряпицу, которую потом непременно бросал в пылающую печь.

Крест утонул в гнезде, высеченном на камне. Потекла долгая минута ожидания. Гусар нервно переминался с лапы на лапу, но не уходил – хотя и знал наверняка, что коли дверь не признает его за своего, то быть ему тёплым белёсым пеплом... Николай Степанович решил не рисковать и подхватил пса на руки. Пёс был тяжёлый, как годовалый бычок.

– Однако, не голодал ты, брат...

Дверь просела. Снег посыпался на ступени. Заклубился, вырываясь наружу, пар.

Вот теперь можно и лыжи снять, с нервным смешком подумал Николай Степанович, вспомнив старый, времён финской войны, анекдот.

Похоже было на то, что в руме недавно жили. Хотя... Румы – это такое место, где время как бы и не идёт. По крайней мере, видимых изменений не происходит. И неизвестный посто-ялец мог жить здесь и двадцать, и тридцать лет назад. Когда же я сам-то был тут последний раз?...

В пятьдесят шестом? Да, пожалуй, в пятьдесят шестом...

Ах, да. В восемьдесят втором ещё. Как мог такое забыть?...

Потом, навеваясь регулярно в Предтеченку, он не испытывал ни малейшего желания спускаться в тайные подземелья. Подвалов башни Беньовского ему хватило навсегда – не говоря о погребальной камере Аттилы³⁵... Но сейчас другого разумного выхода не оставалось. Уют в руме, конечно, чисто спартанский, простору примерно как в подводной лодке «Пан-тера»³⁶, но самый завзятый клаустрофоб не почувствовал бы себя здесь заживо погребённым – таким уж умением обладали неведомые древние строители. Просто Николая Степановича с давних пор (и не без оснований) тревожили вентиляционные решётки...

Первым делом, даже не скинув полушубок, он достал из рундука аптечку. Открыл цифровой замок. Потом в нетерпении вывернул ящик на крышку стола...

Здесь было всё, кроме того, главного. За чем он шёл.

³⁴ В протоиндоевропейском языке **dʰwǵʰw* – «пустота». От этого же слова происходит английское слово *room* – «комната, пространство», протогерманское **rīmaz* – «открытый», голландское *ruim* – «просторный, широкий». Система румов создана, вероятнее всего, исчезнувшей цивилизацией эронхаев, что неоднократно и подробно разбирается в трилогии.

³⁵ См. будапештский эпизод раздела «По дымному следу». Аттила, он же Этцель – царь гуннов с 434 по 453 годы, собравший под свои бунчуки гуннов, древних тюрок и германцев. По одной из версий, зафиксированной в незаконченном произведении Е. Замятина, происходил с Волги (Итиль). Л. Н. Гумилев утверждает, что Аттила скончался от цирроза, возникшего в результате неумеренного потребления сладкого свадебного вина, мгновенная аддикция к которому возникла во время свадебного обряда с прекрасной германкой Ильдиго. Историк Приск считает, что он умер от обильного носового кровотечения на той же свадьбе. В «Старшей Эдде» описывается, как прекрасная бургундская принцесса Гудрун убивает своего упившегося мужа, короля Атти.

³⁶ Русская однокорпусная подводная лодка конструкции 1916 года. В годы гражданской войны потопила английский миноносец, слишком нагло приблизившийся к Кронштадту. Служила до самого 1955-го. Самое широкое место корпуса – 4 м 80 см.

На всякий случай он перебрал все пузырьки и ампулы, читая сигнатуры³⁷. Потом ещё раз. Потом ещё.

Ясно. Тот, кто побывал здесь до него, приходил за этим же. Но он не имел никакого права трогать неприкосновенный запас... оставил бы хоть несколько гранул!.. Николай Степанович в отчаянии замахнулся кулаком на стеклянное бесполезное воинство... и опустил руку.

Гусар ткнулся головой в колени, буркнул что-то неразборчивое. Николай Степанович бессильно отошёл от стола и провалился в кресло.

– Всё бесполезно, брат Гусар, – сказал он негромко. – Одна отрада – что я тоже теперь рано или поздно умру.

³⁷ а) Бумажный ярлык, прикреплявшийся к горлышку аптечного флакона, б) любая этикетка.

2

Когда рассеется дым, увидишь внизу детей и животных.
Василий Аксенов

Всё началось совершенно невинно дней десять назад – как раз накануне Нового года.

– Коля, – Аннушка как-то непривычно смущённо посмотрела на мужа, – я должна сказать тебе одну вещь...

– У нас будет любовник? – поднял бровь Николай Степанович.

– Нет, но что-то вроде... В общем, я пригласила Лидочку.

– На Новый год?

– На Новый... – жена виновато развела руками. – Ну, пойми: я возвращаюсь в учительскую, пакет забыла, а она сидит и ревёт. Понимаешь? Я и...

– Сострадание разносит заразу страдания, – сказал Николай Степанович.

– Это ты заразу разносишь, – обиделась Аннушка. – Всем настроение портишь. А если бы Стёпку так же вот...

– Ну и что? Представь себе, через двадцать лет приезжает молодой американский миллиардер и звезда Голливуда, в котором счастливая мать без труда узнаёт...

– Ай, да ну тебя!

Впрочем, новогодний вечер всерьёз испорчен не был. Стёпке отдали в полное безраздельное (благо, никто и не претендовал) распоряжение новенькую «Сегу»³⁸, чтобы не лез ко взрослым. Лидочка, дама крупноватая, обесцвеченная, легко краснеющая от лёгкого вина, держалась тихо и робко. Зато пришёл сам Гаврилов с банджо и новой пассией, рыжей и восторженной. Пассия чем-то неумовимо смахивала на Олю Арбенину³⁹, какой она была на том памятном вечере в Тенишевском училище⁴⁰, и Николаю Степановичу поначалу было нелегко придать своему взгляду обычную рассеянность.

Стол накрыли в зале, который Николай Степанович именовал «африканской комнатой». На стенах развешаны были жуткие ритуальные маски, курительные трубки и специальные магические приспособления колдунов оно-оно, потускневшие чеканные украшения бедуинских красавиц, передняя лапа чудовищного крокодила (настоящий, без дураков, трофей Николая Степановича; хотелось бы, конечно, отхватить у ящера чего-нибудь ещё, побольше, но дорога предстояла дальняя, а тащить – на себе), головы антилоп, масайские ассегай и щит⁴¹; в серванте стояли пёстрые гадательные барабаны, медный светильник и какая-то странной формы и самого зловещего вида дрянь – по горячему уверению хозяина, засушенная голова жестокого белого плантатора (сам-то он знал, что такие головы на амхарских рынках продают дюжинами на медный пяточок, благо чего другого, а тыквочек в Африке пока ещё хватает); сенегальский ковёр, помнивший копыта верблюдов⁴² Абд-эль-Азиза⁴³, устилал пол; с террари-

³⁸ Сокращение от Standard Games. Есть люди, которые помнят эти дивные игровые приставки и игры к ним.

³⁹ Ольга Николаевна Арбенина-Гильдебрандт (1897–1980), близкая подруга НСГ и его второй жены А. Н. Энгельгардт, входившая в узкий круг творцов Серебряного века. Недолгая любовь О. Э. Мандельштама. Художница, актриса Александринского театра, мемуаристка («На берегах Невы», «На берегах Сены», др.).

⁴⁰ Одно из самых известных учебных заведений России, основанное князем В. Н. Тенишевым в 1898 году. Среди выпускников – Мандельштам, Набоков, Бруни, Жирмунский, сын и дочь К. И. Чуковского. Славилось вечерами современного искусства, концертами и спектаклями.

⁴¹ Щит – это понятно, а вот ассегай – не только охотничье копьё. Зулусский король Чака вооружил свою армию тяжёлыми укороченными ассегаями с длинным листовидным наконечником, которым можно было и колоть, и рубить, подобно европейской алебарде, русскому бердышу или японской нагинате.

⁴² Это скорее очень жёсткая раздвоившаяся мозоль, позволяющая легко ступать по песку. Строго говоря, верблюды и принадлежат к подотряду мозолоногих.

ума Николай Степанович снял расшитое покрывало только после долгих и настойчивых просьб гостей – и сразу набросил его обратно: в конце концов, люди пришли поесть...

– Вот это... оно... там такое и живёт? – с ужасом спросил Гаврилов.

– Живёт, – подтвердил хозяин.

– А как называется?

– Не знает никто. Негры говорят: «хамамба-ас-хамамба». Что в переводе на простой язык означает «самоглот». Это я так перевёл. Он же «проглот конголезский».

– А специалисты что говорят? – не унимался Гаврилов.

– А они в него не верят...

Аппетита обитатель террариума никому не испортил, только рыжая смотрела теперь на Николая Степановича восторженно. Уязвлённый Гаврилов начал петь, и пел хорошо. Но всё равно прошло некоторое время, и разговор вернулся к Африке.

– А как вас выпускали, Николай Степанович? – спросила прозаическая Лидочка. – Тогда же никого не выпускали, а вы так и вообще беспартийный.

– Ну, беспартийный – это ещё не безногий, – сказал хозяин. – По линии Академии Наук я ездил...

– И для разведки кой-чего добывал? – подколот Гаврилов.

– Русскую военную разведку я уважал всю жизнь, – Николай Степанович пожал плечами. – Так что не вижу оснований... Это вам не чека.

– Да что можно разведывать в Африке? – хмыкнул Гаврилов. – Боевым слонам хоботы да бивни считать?

– Помилуйте, милостивый государь, а Лумумбу-то⁴⁴ из-за чего, по-вашему, пришлось устранить? – и Николай Степанович, обвёл глазами слушателей и принялся рассказывать совершенно потрясающую историю, в которой похождения неимоверного гэрэушника майора Коломийца и дочери местного вождя чернокожей красавицы Ахули нечувствительно переплетались с сюжетом романа Майн-Рида «Охотники на жирафов». А потом, вдохновлённый собственным рассказом, он перешёл к описанию древнего храма Омумбуромбонго, священного дерева, из которого вышли когда-то все животные, птицы, рыбы, люди, пауки и боги. Храму этому, по самым скромным оценкам, было не меньше тридцати тысяч лет, поэтому серьёзные учёные им не занимались – да и не добраться до него серьёзным учёным, привыкшим к лёгкой жизни, к проводникам и носильщикам...

– А кто такой Лумумба? – спросила рыжая где-то в середине рассказа, в ответ на что Гаврилов тут же изобразил песню своего детства: «Убили, гады, Патриса Лумумбу, а Чомба в кабаках танцует румбу!..» Тут же пришлось объяснять, кто такой Чомба⁴⁵. Потом Аннушка показала всем, что такое настоящая румба. Аполитичная пошла молодежь, сказал Гаврилов, подтягивая струны. Как блестяще мы разбирались в политическом положении в Бельгийском Конго, в скобках – Леопольдвиль! Сколько митингов провели в защиту, а Лумумбу, зараза, так и не уберегли. Это потому что ты своих шаманов ещё к рукам не прибрал, сказал Нико-

⁴³ Абд-эль-Азиз Бег, один из «усмирителей» восстания езидов 1785–1805 гг. в Османской империи, прославившийся неслыханной даже для того времени жестокостью.

⁴⁴ Лумумба, Патрис Эмери (1925–1961) – политический деятель, левый националист, первый премьер-министр Демократической Республики Конго, национальный герой Заира, публицист, поэт и один из символов борьбы Африки за независимость. Был снят с поста премьер-министра президентом Конго Касавубой и вскоре арестован во время Конголезского кризиса 1960. Лумумба и его соратники были убиты 17 января 1961 года военными из окружения Моиза Чомбе. Тела были расчленены и растворены в кислоте, нерастворившиеся части сожжены. Свержению, аресту и казни Лумумбы способствовали король Бельгии Бодуэн и сотрудники МИ-6, работавшие под прикрытием британского консульства.

⁴⁵ Точнее, Чомбе, Моиз Капендэ (1919–1969). Политик пробельгийского направления, предположительно отдавший приказ о расстреле Лумумбы (см.) Войска ООН вернули захваченную им провинцию Катанга в состав Конго, Чомбе бежал за границу, но потом вернулся и стал премьер-министром коалиционного правительства. Затем, снятый с должности президентом Касавубой и преследуемый новым президентом Мобуту, бежал в Испанию. После захвата самолёта, в котором он летел, Чомбе оставался до самой смерти в алжирской тюрьме.

лай Степанович. Вот в сорок втором... – и он рассказал удивительную историю о том, как в сорок втором, на скорую руку присоединив к СССР Туву⁴⁶, согнали шаманов в один большой лагерь и заставили камлать хором, результатом чего и явился коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Шаманов потом, ясное дело, не по-хозяйски вывели в расход. А моих, северных, ещё в тридцать шестом кончили, вздохнул Гаврилов. Да что вы всё об этом! – упрекнула Аннушка. Надоели ваши расстрелы, лагеря... Не всем надоели, возразил Гаврилов. В тех старых лагерях только лампочки вкрутить...

Стало как-то неуютно, и пришлось выпить.

– А правда, что вы гадать по-настоящему умеете? – тихо спросила Лидочка.

– Правда, – так же тихо ответил Николай Степанович.

– А вы не могли бы?...

– Не сегодня, – отрезал он. – Выпивши – нельзя.

– Так я приду?

– Завтра, – разрешил он. – Второго. К вечеру.

Тут вышел Стёпка, заявил, что уже утро, он проснулся и намерен веселиться. И все стали веселиться.

Лидочка пришла второго после обеда.

– Ты сама это затеяла, – тихо сказал Николай Степанович Аннушке и велел им со Стёпкой на время удалиться – скажем, сходить на городскую ёлку, где умельцы выстроили необыкновенной красоты ледяной сказочный дворец. Сам же он переоделся во всё чёрное, повязал голову платком и взял в руки гадательные барабанчики. Барабанчики, на самом-то деле, были самые обыкновенные, хоть и обтянутые человеческой кожей. Ему просто нужно было чем-то занять руки, потому что руки в этом деле мешают больше всего.

– Фотокарточку принесли?

Лидочка дрожащими пальцами протянула цветной кодаковский снимок пятилетней примерно девочки с голубым бантом и в голубых трусиках. Девочка стояла на куче песка. Позади была какая-то вода и лес.

– Теперь сидите тихо...

Минут через десять всяческих вводных процедур Николай Степанович *ушёл*. Глаза его прищурились, лицо обмякло. Пальцы выбивали из барабанчиков неторопливую мягкую дробь.

– Крым, – сказал он.

– Нет, на даче, – поправила Лидочка.

– Я говорю, что сейчас она в Крыму, – пробормотал Николай Степанович. – Ялта? Нет... Севастополь? Евпатория? Да, пожалуй... Точно, Евпатория. Пионерский лагерь... когда-то был лагерь. Проволока... ах, как я не люблю проволоку... Ей там неплохо... пока. Дети. Другие. Много. Несколько. Чего-то бояться. Двухэтажный дом. Решётки и тёмные шторы, никогда не бывает света. Туда забирают. Старуха-гречанка. С усами... похожа на мамашу Макса... Так, что-то ещё. Кочегарка? Откуда взялась...

– Какого Макса⁴⁷?

⁴⁶ Тува долгое время считалась частью Китая. С 1921 года была независимой, но уже в 1930 лидерство захватили лояльные к Сталину выпускники Комуниверситета трудящихся Востока. За год с небольшим были уничтожены практически все ламатские монастыри, запрещены шаманы, начался перевод тувинцев с кочевого на оседлый образ жизни, борьба с неграмотностью, введение современного здравоохранения. Было привлечено множество советских специалистов и советников. Примерно с середины 30-х годов вся внутренняя и внешняя политика Тувинской республики определялась соответствующими органами СССР. С началом войны Тува оказалась первым государством, объявившим себя союзником СССР. Практически вся материальная помощь, оказанная Советскому союзу (в основном продовольствие и сырьё), была безвозмездной. Тувинцы добровольно служили в Красной Армии. Окончательно Тува вошла в состав СССР в 1944 году.

⁴⁷ Волошин, Максимилиан Александрович (1877–1932), русский поэт, переводчик, эссеист, критик и художник. Большая

– Волошина... Да не перебивайте же, трудно... Уф-ф!.. – Николай Степанович отбросил барабанчики, они покатались, побрякивая, как игральные кости. – В общем, всё ясно. Она жива, пока здорова, живёт в Крыму, в бывшем пионерлагере имени Олега Кошевого. Сейчас там цыгане, похоже, организовали производство профессиональных нищих. Калек. Понимаете? Нужно торопиться. Милиция у них, думаю, куплена, да и не так дорого стоит купить хохляцкую милицию...

У Лидочки от страха отнялся язык.

– У вас есть мужчина, друг, спутник? Отец, брат?

Она помотала головой.

– Так... А отец девочки?

Она только рукой махнула.

– Интересно живёте, господа... Значит, будем делать по-другому. Вы завтра же летите в Москву. Деньги – вздор, деньги будут, об этом не думайте... и с билетами по нынешней дороговизне осложнений возникнуть не должно. Я вам дам один московский адрес. Зовут этого человека Коминт⁴⁸. Иванович. Цыпко. В цирке его знают как Альберто Донателло. Передадите ему письмо, он всё устроит. На возраст его не обращайте внимания – человек чрезвычайно надёжный. Но – слушайтесь его, как Господа Бога. Скажет: землю рыть – ройте, и как можно глубже. Ну да он и сам всё хорошо объяснит. Он хорошо объясняет. Доходчиво... Дело это как раз по нему. В общем, господам евпаторийским цыганам я не завидую, равно как и милиционерам, если они к этому делу прикручены. Да не плачьте, Лидочка, бывают в жизни вещи пострашнее. Всё будет хорошо.

Но получилось всё очень нехорошо. Почему-то – неожиданно и без особых поводов – заблагоило ехать в аэропорт и Аннушке со Стёпкой. «Нива» долго не заводилась, дорога обледенела, встречные водители и даже гаишники были сплошь пьяные. Судьба как бы ненавязчиво намекала на нежелательность всей затеи...

В тамбуре аэровокзала сидела на куче тряпья и сама на кучу же тряпья похожая старая цыганка. Или таджичка (с понтом беженка, проворчал Стёпка). Увидев четверых, она вдруг вскочила молодого и поднесла к губам раскрытую ладонь. Аннушка в испуге отшатнулась.

– А вот этого не надо, – сказал Николай Степанович. – Погадать я тебе и сам погадаю.

– Сам ты искать меня после будешь, золотой, – без всякого акцента и без выражения сказала ведьма, садясь. – Ан – поздно будет искать...

– Какая противная бабка, – фыркнула Лидочка. – Не к добру такую встретить.

– Никогда сами не верьте в приметы, – сказал Николай Степанович. – Предоставьте это сведущим людям.

– Правильно их Гитлер гонял, – неожиданно сказал Стёпка. – Евреев зря, а цыган за дело.

– Слышу голос твоей классной дамы, – сказал Николай Степанович. – И если я его ещё раз услышу...

Самолёт улетел вовремя. Когда Тихоновы возвращались к машине, ведьмы в тамбуре уже не было.

Весь день Николай Степанович чувствовал во рту металлический привкус.

А вечером Аннушку и Стёпку увезла скорая помощь.

Доктор был молод, бородат и встревожен.

часть жизни связана с Крымом. Антропософ, член масонской ложи «Гора Синайская». Мать, Елена Оттобальдовна Волошина, выстроила в Коктебеле знаменитый дом, ставший творческой колонией для многих писателей, поэтов и художников. Во время Гражданской войны давал приют и спасал как белых, так и красных. Дрался на дуэли с НСГ – в результате никто не пострадал.

⁴⁸ «КОМмунистическийИНТернационал». Антропонимика советского времени включала в себя множество самых причудливых неологизмов, по большей части сокращений имён вождей, названий политических организаций и лозунгов.

– Ничего нового я вам пока сообщить не могу, – сказал он. – Кровотечение продолжается и у мальчика, и у матери. Это похоже на какую-то тропическую болезнь, я о ней слышал. Утром будет профессор Скворушкин...

– До утра они ведь могут и не дожить, – то ли спросил, то ли предупредил Николай Степанович.

– Нет, что вы, – сказал доктор. – Мы делаем всё, что требуется, только вот...

– Только вот не помогает почему-то, – подхватил Николай Степанович. – Кровотечение продолжается.

– Д-да. Я думаю, что можно подключить...

– Слушайте меня внимательно, – сказал Николай Степанович. – У меня группа крови четвёртая резус-отрицательная. У сына тоже. Вы должны сделать прямое переливание. Ясно? Это поможет ему продержаться минимум неделю. Супруге перельёте плазму. Центрифуга, надеюсь, в вашем холерном бараке есть?

– Вы врач? – попытался поставить его на место доктор.

– Я не намерен вдаваться в объяснения, – высокомерно ответил Николай Степанович и поднял руку ладонью вперёд. – Итак...

Доктор мигнул.

– Да, конечно... – забормотал он. – Пойду распоряжусь, а вы пока...

– И никаких записей, – прилетело доктору в спину.

Суровая сестра с лицом чёрным и длинным облачила Николая Степановича в зелёный хирургический костюм, закутала ему голову марлей, проводила туда, где пахло йодом и пережжёнными простынями. Его заставили лечь на жёсткий холодный стол. В круглом отражателе над собой он видел маленького и страшного себя. Через минуту на каталке привезли бледного до синевы Стёпку. Из носа его торчали закровеневшие тампоны.

– Папочка... – прогундосил Стёпка и заплакал.

– Прекратите, кадет, – велел Николай Степанович. – Здесь вам не альманах «Сопли в сиропе».

– Доктор сказал, – наклонилась к нему сестра, – что забирать шестьсот миллилитров. Вы сдавали когда-нибудь кровь?

– Делайте, как он велел. Я сдавал, и помногу. После этого возьмёте ещё восемьсот на плазму.

– Что?!

– Именно так. Работайте, мадам.

Игла вошла в вену. По прозрачной трубке ринулся чёрный столбик крови.

Сто... двести... четыреста...

– Как вы себя чувствуете? – голос издалека.

– Как космонавт на орбите.

– Шутник у тебя папа.

– Он не шутник. Он учёный.

Шестьсот.

Как увозили Стёпку, Николай Степанович не видел. Это был какой-то моментальный провал. Потом он лежал, а над ним без всякой опоры висели бутылки с чем-то прозрачным.

– Как вы себя чувствуете?

– Как космонавт на орбите...

Кровь уходит в прозрачную подушечку. Одна... другая...

Всё? Да, похоже, всё.

– Сейчас, сейчас, миленький, потерпи ещё... – мягкое прикосновение к щеке. Не трать вату, Василиса... и мох не трать⁴⁹, раненых много, не хватит, сволочи ягды...

Гудение вдали. Костры, костры...

Жгите костры.

Что?

Нет, всё в порядке. Да, я слышу. Я всё слышу.

Приносят то, что осталось после центрифуги, – густую чёрную кашу.

Возвращение долга.

Не надо так напрягаться, расслабьтесь, лежите спокойно...

Всё. Он уже не в силах держаться на поверхности. Падение. Падение вниз, вниз – к самому началу, к началу...

Гулко. Шаги в коридоре. Свет.

⁴⁹ Лечебные свойства мха известны с древности. Подсушенный очищенный мох заготавливался впрок, долго хранился и применялся для перевязок, дезодорирования и заживления даже тяжёлых нагноившихся ран. Использовался в полевой медицине обеих Мировых войн, изучался крупными учёными. Выделить действующий антибактериальный агент не удалось, а поскольку были открыты и быстро освоены производством антибиотики, интерес к антисептическим свойствам мха угас.

Промедление смерти⁵⁰

– Гумилёв, *поэт*, на выход!

– Нет здесь поэта Гумилёва, – сказал я, вставая с нар и закрывая Библию. – Здесь есть поручик Гумилёв⁵¹. Прощайте, господа. Помолитесь за меня, – и я протянул книгу редковоло-сому юноше в студенческой тужурке.

– Руки-то за спину прими, – негромко скомандовал конвойный, вологодской наружности мужичок, окопная вошь, не пожелавшая умереть в окопе. Он не брился так давно, что вполне мог считать себя бородатым.

В коридоре нас потеснили к стене двое чекистов, тащивших под локти человека с чёрным мешком на голове. Один из чекистов был женщиной. Впрочем, чему удивляться, если дочь адмирала Рейснера⁵² пошла по матросикам? И эта, должно быть, какая-то озверевшая инженеру из альманаха «Сопли в сиропе». Я проводил их взглядом. Было в этой новой русской тройке такое, что заставляло провожать её взглядом.

Очень дико выглядят женщины в коже и мужчины в галифе без сапог...

Я тоже был в галифе без сапог.

– Счастливый ты, барин, – сказал мне в спину конвойный.

– Отчего так?

– Уйму деньжищ за тебя отвалили⁵³... сказать – не поверишь...

– Что ты мелешь?

– Истинный Бог!

– А как же это ты, верующий, безбожникам служишь?

– Несть власти, аще не от Бога, – извернулся конвойный. Был он редкозуб и мягок, как аксолотль⁵⁴. – Не о том речь, барин. Что же ты за человек такой дорогой? Сам видел, государственного банка ящички... Ты вот что, ты меня-то запомни, я тебе худого не делал и не желал вовсе. Может, пригожусь...

– Ладно, служивый. Может, и пригодишься.

Из-за угла вдруг возник чекист неожиданно пожилой, в костюме-тройке и толстых очках в железной оправе, с модной у них козлиной эспаньолкой, которая позже стала известна как ленинская борода. Он уставился на конвойного, и я почувствовал, что сейчас что-то произойдёт. Конвойный за моей спиной громко икнул.

– Ты! – завизжал чекист. – Тетерев злоёбаный! Мешок где, говно зелёное? Мешок где?!!

⁵⁰ Первоисточник – из «Истории» Тита Ливия. Популярен как фрагмент письма Сенату Петра Великого перед Прутским походом 1711. Устоявшаяся форма – «Промедление смерти подобно». Полностью «Понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно».

⁵¹ Неподтверждённые слова НСГ перед выходом из камеры. Большинство исследований доказано, что последний чин, полученный им в армейской службе – «...Пятого Александрийского гусарского полка Ея Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны прапорщик» (28 марта 1916 года). Экзамен на чин корнета в Николаевском кавалерийском училище НСГ не выдержал: провалился по алгебре. С другой стороны, пребывание его в Русском экспедиционном корпусе в 1918 году не задокументировано, так что возможно всё.

⁵² Лариса Михайловна Рейснер (1895–1926), русская писательница и поэтесса. Была близка с НСГ. В 1922 году пишет матери из Афганистана: «Если бы перед смертью его видела – всё ему простила бы, сказала бы правду, что никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта, Гафиза, уроды и мерзавца». Принимала участие во многих революционных событиях; прототип главной героини пьесы Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия». Жена Ф. Ф. Раскольникова. Родство с адмиралом Рейснером не подтверждается. Лев Михайлович Рейснер (1902–1941), младший брат Л. Р., был капитаном 2-го ранга, подводником. Репрессирован в 1938 году как родственник «невозвращенца» Ф. Раскольникова, умер в лагере.

⁵³ Во время неудачного Прутского похода (июнь 1711 года) лагерь Петра был окружен, и Пётр вынужден был подписать позорную грамоту о вассальной зависимости от потомка Чингиза, крымского хана Девлет-Гирея.

⁵⁴ Аксолотль – (*ацтекск.* водяная собачка) крупная личинка амбистомы, земноводного существа.

– Да я... да вот... – и конвойный понёс какую-то чушь о вобле и сухарях. Несколько секунд чекист слушал его внимательно.

– Ты знаешь, что с тобой теперь товарищ Агранов⁵⁵ делает? – сказал он вдруг очень тихо, и конвойный упал. Чекист пнул его в бок, плюнул и, часто дыша, но уже явно успокаиваясь, пожаловался мне: – Вот такие и погубят революцию... Ладно, теперь уже не справишь. Идёмте, Николай Степанович, вас ждут.

И мы пошли – в раскрытую дверь, к фыркающему автомобилю «рено». Когда-то в нём ездили порядочные люди, а теперь...

Я увидел, кто в нём ездит теперь, и ахнул от изумления.

– В сущности, вы уже три дня как мертвы. По всему городу вывешены расстрельные списки. Вы идёте номером тридцатым⁵⁶. Гумилёв Николай Степанович, тридцати трёх лет, бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии издательства «Всемирной литературы», беспартийный, бывший офицер. Участник Петроградской Боевой организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал в момент восстания связать с организацией группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности... Извините за стиль.

– А что это вы за них извиняетесь? – пожал я плечами.

– Потому что в какой-то степени несу за них ответственность. Впрочем, как и вы.

– Помилуйте! Я-то с красными флагами не ходил и сатрапов не обличал...

– А кто подарил портрет августейшего семейства какому-то африканскому колдуну⁵⁷?

Я вдруг почувствовал, что у меня поднимаются волосы.

– Не может быть...

– Ну, не только из-за этого. Но представьте себе, что в один прекрасный для Африки день этот ваш колдун, платонически влюблённый в крошку Анастасию, вздумал произвести над фото несколько пассов... Образования у него, конечно, никакого, но стихийная сила совершенно дикая. И этот... – Яков Вильгельмович⁵⁸ сделал отводящий знак, – ну, как его? Его ещё свои же пролетарии на митинге кулаками забили...

– Уринсон, что ли⁵⁹?

– Не знаю никакого Уринсона. Свердлов, вот. Idem Гаухман. Он и распорядился, а Ульянов распоряжение подтвердил – и попробовал бы он не подтвердить...

– Яков Вильгельмович, – сказал я, – это же какой-то бред. Это для салона, для молодых болванов, каковым был ваш покорный слуга в те добрые времена...

⁵⁵ Яков Саулович Агранов (Соренсон) (1893–1938), с 1929 года начальник Секретного отдела ОГПУ СССР. Активно работал в среде творческой интеллигенции. С 1934 года первый заместитель наркома НКВД СССР Г. С. Ягоды. Среди прочего известен как один из следователей по делу «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» (см. примеч. к стр. 26). В 1937 г. исключён из партии и арестован, в 1938 расстрелян. Реабилитирован не был. По сведениям ДХШ, из астрала не вызывался по причине полной утраты земного обаяния и обнажения истинных качеств.

⁵⁶ Недавние исследования уточняют дату расстрела – 26 августа 1921, и номер НСГ в списке – 31-й (А. Я. Разумов. *В XX веке с нами произошло нечто ужасное. Росбалт, 06.12.2014*). Простое число, по разъяснению Д. Х. Ш., было присвоено ему с маго-истребительными целями.

⁵⁷ «Жирный негр восседал на персидских коврах, В полутёмной, неубранной зале, Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях, Лишь глаза его дивно сверкали. Я склонился, он мне улыбнулся в ответ, По плечу меня с лаской удара, Я бельгийский ему подарил пистолет И портрет моего государя. Всё расспрашивал он, много ль знают о нём В отдалённой и дикой России... Вплоть до моря он славен своим колдовством, И дела его точно благие: Если мула в лесу ты не можешь найти Или раб убежал беспокойный, Всё получишь ты вдруг, обещав принести Шейх-Гуссейну подарок пристойный» *Стихотворение «Галла», сб. «Шатёр»*.

⁵⁸ Первое имя Джеймс Дэниел Брюс, затем Яков Вилимович (1669- оф. 1735). Русский государственный деятель, военный, дипломат, инженер и учёный, переводчик научной литературы, один из ближайших и наименее скомпрометированных сподвижников Петра Великого. Граф.

⁵⁹ Отражает распространённые представления о том, что все члены большевистских властных органов были евреями, но скрывались за псевдонимами. В данном случае и НСГ, и Яков Вилимович ошибаются: хотя Я. М. Свердлов и был евреем, псевдонимами («товарищ Андрей», «Макс», «Михаил Пермяков», «Смирнов») после революции он не пользовался.

– И для выживших из ума стариков, – ехидно подхватил Яков Вильгельмович. – Вы подумайте лучше, почему из-за вас ОГПУ две сотни христианских душ загубило? Целый заговор сочинили, ночей не спали... Ну, теперь-то у них дело широко пойдёт.

– Вы не поверите, – сказал я, – но я всё равно ничего не понимаю.

Яков Вильгельмович, сколько я его помню, был тихим ласковым старичком в таком возрасте, когда о летах уже и не спрашивают. Его можно было встретить решительно на всех поэтических вечерах и сборищах, строжайше засекреченных масонских собраниях, на кораблях хлыстов⁶⁰ и скопческих радениях⁶¹, на советах розенкрейцеров⁶², в буддистском дацане⁶³, на собраниях оккультистов самого дрянного пошиба, в келье Распутина и даже на афинских ночах⁶⁴ рано созревших гимназистов. Всегда он был тих, вежлив – и, несмотря на высокий рост и прямую спину, как бы незаметен. И вдруг...

– Не понимаете? – взвизгнул Яков Вильгельмович на манер давешнего чекиста. – А кто ману написал про золотого дракона⁶⁵? Кто Слово произнёс?!

– Помилуйте! – снова сказал я. – Это же совершенно хрестоматийный образ...

– Значит, вы действительно ничего не понимаете, – Яков Вильгельмович встал и, подойдя к камину, снял с полки фарфоровую собачку: беленькую, с чёрными пятнами вокруг глаз. – Ты представляешь? – обратился он к ней. – Все твёрдо знают, что Николай Степанович достиг по крайней мере предпоследней степени посвящения, выются вокруг него, убивают, выкупают, прячут – а он ни сном ни духом. Своего рода талант... Видимо, придётся вас, милейший, по-настоящему убить. Ибо таковая игноранция, как говаривал покойный Пётр Алексеевич, едино смертию бысть наказуема...

Я тоже зачем-то встал.

– Да вы сидите, – махнул он рукой. – Это так, болтовня. Я-то понимаю, что никакой вы не посвящённый – просто, извините старика, дуракам счастье. Выпало вам попадать в унисон Высшему Разуму... Поэт. Любят у нас теперь поэтов. «Из-за свежих волн океана красный бык приподнял рога, и бежали лани тумана под скалистые берега...» Вы хоть знаете, что здесь описано?

– Нет, – ошалело сказал я. – То есть, наверное, знаю...

– Ни черта вы не знаете. Это формула восстановления красной меди из купороса. Алхимический ряд⁶⁶. И далее до конца. Сколько вы книг хотели написать? Двенадцать? Я думаю, никто из живущих не пережил бы такого... Значит, так: буду я вас учить по-своему. Поскольку иного нам с вами не дано, а объяснять, почему не дано, долго – да и не поймёте пока что.

⁶⁰ *Хлысты* – старейшая русская внецерковная секта экстатического характера, довольно популярная у российского дворянства и интеллигенции. «Корабль» – отдельная независимая община хлыстов.

⁶¹ *Скопческие радения* – Скопцы – секта, близкая к хлыстам, но возводившая оскотление (кастрацию) в высший способ спасения души от тенет плотского мира. Радение – молитвенное собрание с экстатическими обрядами.

⁶² *Розенкрейцеры* – т. ж. «Орден креста и розы». Тайное мистическое и теологическое общество, созданное, согласно внутренней легенде, в XIV веке, но реально зафиксированное в начале XVII в. в Германии; существует поныне. Можно сказать, что орден создавался как тайное общество учёных и преследовал прежде всего просветительские цели.

⁶³ *Дацан* – буддийский монастырь-университет, т. ж. храм. В Петрограде закончен строительством в августе 1915 года, в конце 1916 все монахи покинули дацан. В дальнейшем службы то возобновлялись, то прекращались вплоть до 1938 года, когда многие монахи и учёные, жившие при дацане, были арестованы, а в здании размещена радиостанция. Окончательно служба возобновлена в 1992 году. Здание является памятником культуры, не в последнюю очередь благодаря витражам работы Николая Рериха.

⁶⁴ *Афинские ночи* – эвфемизм. Поначалу культовые празднества в честь богов плодородия Древней Греции, затем запретные оргии.

⁶⁵ Мана – многозначный термин, в разные времена имевший различные смысловые оттенки; как правило, обозначает сверхъестественную силу, которая обнаруживается в явлениях и предметах материального мира. Словесное воплощение сверхъестественной силы. Золотой дракон – образ из неоконченной НСГ «Поэмы начала» (Книга первая: Дракон. Песни 1–2). Брюс сострадательно умолчал о том, что НСГ включал мощную ману и в другие свои стихи.

⁶⁶ Последовательность алхимических символов, кодирующая порядок трансформаций, завершающихся воссозданием золота.

Запомните только одно: ни под каким предлогом вы не должны объявлять себя, навещать родных и друзей. Ваша смерть для мира должна состояться. И никаких стишков в альманахи, к сожалению. Даже под чужим именем. Только в нарочитой тетради и в нарочитом месте. Иначе господу чекисты всех ваших родных и чад, законных и незаконных, смертью казнят. Таково условие – дополнительно к некоторой... кгхм... сумме.

– Большой сумме? – спросил я.

– Не стойте вы того, – крикнул Яков Вильгельмович. – За те же деньги Петра Алексеевича из турецкого плена выкупили⁶⁷...

Я попытался вспомнить эту сумму из гимназического курса истории, но не смог. Что-то с большим количеством нулей – и не ассигнациями, разумеется. Да, впору было крикать.

Будет на что погулять Советам...

– А для чего это всё, Яков Вильгельмович? – спросил я, чувствуя себя не то самозванцем, не то просто не в своей тарелке.

– Для чего? – переспросил он. – Хм, для чего... Он спрашивает, для чего, – сказал он собаке. – Вас, Николай Степанович, может быть, устраивает то, что все эти годы вытворяли с Россией? Ну-ка, ответьте: устраивает?

– Нет, – сказал я. – Только, боюсь, ничего с этим не сделать.

– А вот это, как говорится, *dis aliter visum*. И не людям изменять их волю.

– Воля богов – тёмная материя...

– Тёмная, – согласился он. – Но и оттенки тёмного способен различать наученный взгляд. Знаете ли вы, например, что на самом деле октябрьское восстание семнадцатого года было потоплено в крови неким пехотным штабс-капитаном?

– Что значит – на самом деле? А всё это? – я обвел рукой вокруг. – Это что – снится мне?

– Уж если солнце можно было Словом остановить, то трудно ли повернуть вспять события? И об этом мы поговорим с вами подробно, но позже и не здесь.

Я вдруг почувствовал, что меня куда-то затягивает – как в зыбун.

– Дорогой мой Яков Вильгельмович, – сказал я, – вы, вижу, уже распорядились мною. Не спрося согласия. А если я не пожелаю – тогда что?

– Тогда окажется, – сказал он негромко, – что Таганцев и его друзья погибли даром⁶⁸. Что золото Фламеля⁶⁹ поддержит Советы – вместо того, чтобы погубить их. Что мы в решающий момент окажемся в положении батареи без снарядов. Хотите этого?

– Нет, – сказал я.

– Тогда считайте себя рекрутированным.

– Ну уж нет. Лоб брить не дам. Я вольноопределяющийся⁷⁰.

⁶⁷ Собственно, во время неудачного Прутского похода (июнь 1711 года) лагерь Петра был окружен, и Пётр вынужден был подписать позорную грамоту о вассальной зависимости от потомка Чингиза, крымского хана Девлет-Гирея. Затем в лагерь привезли 150 тысяч золотых рублей, но получили ли их турки, до сих пор не установлено. В 1921 году эквивалент этой суммы трудно подсчитать.

⁶⁸ Дело «Петербургского боевого центра», руководимого профессором В. Н. Таганцевым, географом, сотрудником Российской Академии наук, получило огромный резонанс в среде интеллигенции. Реальной опасности, несмотря на активное сотрудничество с финским Генштабом, оно не имело. Среди 96 расстрелянных и убитых при задержании должен был оказаться НСГ.

⁶⁹ Николя Фламель (1330 – оф.1418), алхимик и криптоном. Получил философский камень и эликсир долголетия. К старости неожиданно разбогател, на меценатство и помощь бедным денег не жалел. После смерти, в начале XVII века, могила была вскрыта, но гроба с телом там не оказалось.

⁷⁰ Нижний чин Российской армии из добровольцев, имевший право на сокращённый срок службы и сдачу экзамена на офицерский чин.

3

*В жизни они знают только то искусство, которым добывается
смерть.*

Томас Мор⁷¹

На восьмом или девятом по счёту руме Николай Степанович решил наконец остановиться. Было ясно, что его предшественник методично обшарил все точки и забрал (или уничтожил подчистую) все ампулы с ксерионом. Да и чёрных свечей, надо сказать, оставалось не так уж много.

– Ты, наверное, думаешь, что мы проиграли? – спросил он Гусара.

Пёс наклонил голову. Глаза его ничего такого не выражали.

– Нет, брат, мы не проиграли, – сказал Николай Степанович. – Мы даже ещё по-настоящему и карты-то не сдали... Вот скажи-ка, любезный, где привык русский человек искать правды, спасения и защиты? В столице. Ergo, в Москве. Так мы и двинем в Москву...

Наверное, сказывалась усталость: он начинал чувствовать себя неловко непонятно перед кем. Как старый фокусник, решивший показать мальчишкам «анаконду»⁷² и обнаруживший, что пальцы не гнутся. Как отяжелевший боксёр, не успевающий за молодым спарринг-партнёром. Исчез автоматизм движений, исчезло «чувство боя», прежде выручавшее многократно, и приходилось постоянно держать в поле осознанного внимания всё вокруг, и от этого притуплялась мысль.

Да, за почти тридцать лет вынужденного бездействия немудрено утратить всяческую квалификацию...

Он был близок к панике и сам прекрасно сознавал это, и именно потому старался держать себя уверенно и спокойно.

Этот приём пока ещё действовал. Надолго ли хватит?...

Николай Степанович открыл оружейный ящик, поводил пальцем и выбрал, наконец, короткий горбатый автомат «узи» – лучшее в мире оружие для перестрелок в лифтах и сортирах⁷³. Главное, его было легко прятать под полкой. В ящик же он хозяйственно поставил, протерев, карабин – словно тот мог ещё кому-нибудь пригодиться.

Гостинцы из рюкзака он аккуратно разложил на полке. В румах ничего не портится и не выдыхается – можно оставить на столе открытым стакан водки, прийти через двадцать лет и выпить её. В рюкзак уместил две тяжёлые зелёные коробки патронов и десяток снаряжённых магазинов. Потом стукнул себя по лбу и начал лихорадочно обшаривать все шкафчики и рундуки.

Но бутыль «тмы египетской»⁷⁴ нашлась, к сожалению, всего одна. Итого их в рюкзаке стало четыре. Не так чтобы много, но и не так уж мало, если распорядиться ими с умом...

⁷¹ Эпиграф взят из книги Томаса Мора «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и новом острове Утопия» (1516). Издана через пятьдесят лет после казни Мора как изменника. Мор пишет о племени заполетов, дикарей-наёмников, из которых утопийцы набирают войско. Это одновременно сатира на наёмничество в целом и на те страны Европы (Германия, Шотландия и т. д.), которые поставляли большинство наёмников воюющим государствам.

⁷² Анаконда – классический карточный трюк, когда карты словно растягиваются лентой между расходящимися ладонями.

⁷³ Семейство израильских пистолет-пулемётов (ПП) и пистолетов. Название дано в честь конструктора Узиэля Галя. Является доработанной репликой чехословацкого ПП Samopal vzor 23. Характерной чертой этих ПП является размещение магазина в рукоятке, что уменьшает габариты оружия, облегчает перезарядку на ощупь и позволяет вести огонь одной рукой. «Узи» считается вторым по популярности автоматом в мире после «Калашникова».

⁷⁴ Одна из «казней египетских», насланных Яхве на народ фараона за отказ последнегопустить евреев в «землю обетованную». Являла собой непроницаемую тьму, наставшую среди дня. По современным представлениям, все «казни египетские» укладываются в последствия мощного вулканического извержения – скорее всего, взрыва вулканического острова Сан-

– Ничего, в Москве, даст Бог, ещё найдём, – обнадёжил он Гусара. – Раз уж «Смирнов»⁷⁵ опять появился... Где же мы сейчас?

Карта окрестностей, как и положено, висела около входа. Изображала она город Гонконг, он же Сянган⁷⁶, и чёрт бы сломил ногу, только разбираясь в этой карте. Когда-то можно было выйти наверх, побродить по живописным базарам и борделям, подвергнуться неременному ограблению, набить морды паре-тройке китайцев, сшить за час хороший костюм, выкурить трубку опиума, а потом попросить владельца курильни господина Сяо проводить до рума и открыть дверь. Но беда в том, что с некоего рокового дня господин Сяо начисто не помнит, что он хранитель ключа и связан с Николаем Степановичем строгими иерархическими отношениями. И это, к сожалению, грубый факт, а не тонкая восточная хитрость.

Так что, если выйдешь, до Москвы придётся добираться за свой счёт...

В центре стола – там уже существовало тёмное пятнышко – Николай Степанович поставил чёрную свечу: высотой со спичку и чуть её потолще. Произведя в уме вычисления, определил вектор Москвы (как изумились бы сейчас гимназические преподаватели геометрии и капитан Варенников, пытавшийся вбить в его занятую Бог знает чем голову начала военной топографии), поставил на пути ещё не зажжённого света согнутую карту (трефовую девятку; впрочем, от этого вообще ничто не зависело, и лишь из эстетства некоторые – где они теперь, эти люди? – пользовались специально изготовленными картами несуществующих мастей или вообще безмастными), взял на плечо рюкзак, кивнул Гусару: за мной, – и поднёс зажигалку к свечке. Откинул крышку (фирменный щелчок, за который немало уплочено), крутнул колёсико... Оно выпало и шустро укатилось под стол.

– Подлецы вы, господа Зиппо, – сказал он. – «Зиппо» – это зажигалка на всю жизнь⁷⁷... Впрочем, откуда вам было знать, что покупатель протянет так долго? Гусар, у нас ещё остались спички?

Спички, разумеется, ещё остались.

Свечка занялась тем сиреневатым светом, от которого становится лишь темнее. Так светятся огоньки на болотах и верхушки мачт в бурю. На стену легла чёрная глубокая прямоугольная тень. Николай Степанович сосчитал до трёх, сказал:

– Идём.

И они вошли в эту тень, которая вскоре сомкнулась за ними.

Тот, кого публика знала как Альберта Донателло, непревзойдённого метателя ножей и томагавков, а друзья и женщины – как Коминта, был на самом деле Серёжей Штарком, поздним сыном Алексея Герасимовича Штарка, того самого чекиста, похожего на профессора, с которым Николай Степанович столкнулся в первый день своей второй жизни. После неизбежной гибели чекиста в пламени им же раздутой искры Серёжу поместили в печально знаменитый детдом «Косари» под Новгородом. Там его – Серёжу – переименовали, присвоили гнусную фамилию Цыпко (её носил кобель-завхоз, собственных детей иметь не способный, но род желавший продолжить). Продолжателей рода он пищей не баловал, поскольку был сторонником радикально-спартанских методов воспитания, а Тарпейской скалы⁷⁸ в окрестностях не было. Когда в результате этих методов Серёжа-Коминт остался один, детдом волей-нево-

торини примерно в 1650 г. до н. э. Этим извержением была уничтожена уникальная минойская цивилизация на о. Крит. Таким образом, можно достаточно точно датировать время «исхода».

⁷⁵ История торгового дома «Пётр Смирнов и сыновья», а также конкурирующих брендов «Smirnoff» и «Смирновъ» сложна и нарочито запутана. Нам достаточно знать, что это – водка, и в своё время – единственная высококачественная водка на рынке Российской империи.

⁷⁶ От Хёнкон, «Благоухающая Гавань». До 1997 года колония Великобритании, ныне специальный административный район КНР. До 2047 года имеет права автономии.

⁷⁷ Прославленная американская зажигалка с ветрозащитой. Действительно долговечная и надёжная.

⁷⁸ Западная оконечность Капитолийского холма в древнем Риме. Была местом позорной казни.

лей пришлось закрыть, а несуществующих уже воспитанников рассредоточить по другим детским и дошкольным учреждениям. Так Коминт Иванович Цыпко оказался питомцем тридцати четырёх детских домов одновременно. Фактически же он не доехал ни до одного. Никуда не доехал и сопровождавший его завхоз Цыпко...

Дважды сиротку как-то незаметно подобрали цирковые. Умение малыша обращаться с колюще-режущими предметами и недетская основательность в жизненных вопросах восхищали выдавших виды артистов. Пожилая чета Донателло (в миру – Сидоровичи), всю жизнь работавшая ножи и томагавки, усыновила его. Но фамилию Цыпко он зачем-то попросил ему оставить.

Началась самая светлая пора в его жизни – цирковое ученье. Коминту было достаточно представить стоящими перед собой кого-нибудь из тех мордастых ребят, которые приходили сначала за отцом, потом за матерью с бабушкой, а потом и за ним, чтобы нож или томагавк ложился точно в цель.

Когда Советский Союз, верный союзническим обязательствам, вероломно, без объявления войны, напал на милитаристскую Японию, Коминт служил в пешей разведке. Пешком, конечно, не ходили – наступающие войска делали по сто километров в день. Другое дело, что разведка почти всюду поспевала первой. Так у Коминта появился великолепный самурайский меч и набор китайских метательных ножей, а также множество разнообразных сведений об японских секретных убийцах и шпионах «ниндзя»⁷⁹.

Полковому особисту очень нравились великие боевые умения молодого разведчика. Он провел с ним целый ряд проникновенных бесед, открывая незамысловатые сияющие перспективы смершевской карьеры и особо давя на любовь к Родине. Неизвестно, как повернулось бы дело, но однажды несчастный особист был найден бездыханным. Бамбуковая стрелка торчала у него из щетины затылочной ямки. На похоронах суровый Коминт плакал и клялся отомстить.

Две недели спустя он попал в госпиталь с признаками неизвестного военной медицине тропического заболевания, а через полгода лечения был списан вчистую. Надо ли говорить, что болезнь прошла бесследно и без каких-либо осложнений сразу же за воротами хабаровского госпиталя...

Время с сорок шестого по пятьдесят третий год для многих работников МГБ, бывшего НКВД, омрачилось, помимо политических, и чисто личными неприятностями: ни с того ни с сего гибли, попадая под уличный транспорт и поезда метрополитена им. Л.М.Кагановича⁸⁰, тонули, выпадали из окон, зарезывались хулиганами, поражались электрическим током и ботулизмом⁸¹ их любимые собаки, женщины, жены, дети, родители, братья и сёстры. Так, следователь Долгушин Пётр Романович лишился последовательно всех родственников, любовниц и коллекции певчих птиц, после чего сам наложил на себя руки (правда, довольно странным и редким способом)... Сменяющие друг друга на боевом посту следователи пытались вывести систему этих умертвий, раскрыть неведомую могущественную террористическую организацию, через разветвлённую (внутреннюю и зарубежную) агентуру выйти на жестоких таинственных убийц – но тщетно. Коминт же в это время весело колесил по стране, ставил новые номера, женился на дочке фокусника-манипулятора Асрияна и сделал её своей бессменной партнёршей...

⁷⁹ Персонажи японских комиксов конца XIX – первой половины XX вв., позже перекочевавшие в Голливуд. Реальные тайные шпионы и убийцы назывались «синоби» («шиноби») и отличались от придуманных даже больше, чем младший клерк МИ-5 от Джеймса Бонда.

⁸⁰ Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991), соратник Сталина, занимавший ряд высоких постов. Руководил строительством Московского метрополитена. Его именем названо множество объектов, но в 1957 году ЛМК смещён отовсюду, все именованья убраны. После его смерти были изданы мемуары, в подлинности которых тут же были высказаны сомнения.

⁸¹ Ботулизм – тяжелейшее токсикоинфекционное заболевание. Вызывается ботулотоксином, ядом нейротоксического действия, вырабатываемым палочкой *Clostridium botulinum*. Тяжёлые отравления смертельны и в наши дни. Ботулотоксин в низких концентрациях применяется при косметических манипуляциях для разглаживания морщин.

Так продолжалось до нечаянной встречи его с Николаем Степановичем Тихоновым⁸². После этого полоса таинственных убийств внезапно прекратилась, и следователи пришли к неизбежному выводу, что убийца найден. Или помер. А знаменитый муровец Щеглов⁸³ просто махнул покалеченной трёхпалой рукой и сказал мрачно: «Выгорел материал...»

Сидели, по давнему обыкновению, на кухне, потому что в столовой было шумно и небезопасно: внуки осваивали томагавки. Пили ситро.

– ...позвонила с аэровокзала, еле нашла жетон, сказала, что падает, что вызывали «скорую». Сейчас она в Боткине, живая, но тяжёлая, не пускают к ней. А твои, значит...

– Да, и мои.

– Эх, ввязался ты...

– Да вот, ввязался сдуру. Главное – непонятно, во что. То ли какие-то чёрные маги, то ли...

– И что теперь делать?

– А что делать? Будем брать тот дом. В Крыму. Ты и я.

– М-да. Ты хоть знаешь, что там искать?

– Примерно – знаю... Да, в конце концов, хоть дитя вытащим.

– Ну, разве что.

– Тебе мало?

– По самые уши.

– Если повезёт – выйдем на что-то большее.

– Моим недобитым бы такое везение.

– Ты пойми, старикашка: первый раз за двадцать восемь лет – будто бы звоночек оттуда.

Первый раз!..

– А может быть, это другое?

– Может. Но даже если и другое...

Коминт помолчал.

– Ладно, – сказал он и вдруг улыбнулся весело и хищно. – Работаем рекордный трюк. И если не придём на копчик...

– То быть нам королями, – закончил Николай Степанович.

⁸² по разъяснению ДХШ, псевдоним был выбран не случайно (отличие лишь в отчестве – Семенович): сходство в годе рождения (1896), в военной биографии (гусарский полк), в типе поэзии – самый «гумилёвский» из советских поэтов. Создал несколько ман средней мощи, способствовавших фиксации СССР. Умер в 1979, утратив все дарования. Незадолго до смерти воззвал к Учителю, то есть НСГ, выступая по советскому радио, и пытался цитировать его маны. С другой стороны, фамилия Гумилёв происходит от латинского *humilis* – «смирненный, тихий». Трудно сказать, какой из вариантов верен. Возможно, оба одновременно.

⁸³ Сергей Борисович Щеглов (1919–1968), прототип героя известнейшего телевизионного фильма «Место встречи изменить нельзя» Глеба Жеглова. Был шесть раз ранен. Объединяет с персонажем В. Высоцкого фраза «Вор должен сидеть в тюрьме!» и полнейшее пренебрежение бытом.

4

Д'Артаньян по обыкновению произвёл выкладку, и у него получилось, что час равняется шестидесяти минутам, а минута – шестидесяти секундам.

Александр Дюма⁸⁴

Они расположились на базарной площади древнего греческого города Керкенидида⁸⁵ и стали ждать ночи. Облака, просвеченные розовым заходящим солнцем, очень медленно плыли – слева направо...

Здесь при желании можно было без опаски развести небольшой костёр: с земли огонь в раскопе не будет виден, а сверху смотреть некому, потому что боги от Земли уже давно и навсегда отвернулись. Дым развеивался бы в воздухе лёгким вечерним влажным ветром, а запах его неизбежно заглушила бы лютая вонь от целебного грязевого озера.

– Давно, видно, тут археологи не бывали, – сказал Коминт.

– Так ведь их сюда и не пустят, – сказал Николай Степанович, – пока в Киеве не поставят, от кого древние греки произошли: від хохлів чи від москалів...

– Удивляюсь я, как эти греки тут зимой в хитонах без штанов-то ходили. В сандалиях на босу ногу.

– Наверное, климат был другой. Князья тьмутараканские охотились с гепардами, князя Олега тварь наподобие гюрзы укусила... Впрочем, Макс Волошин, не к ночи будь помянут, именно в греческом одеянии всю жизнь и проходил здесь.

– И без штанов? – не поверил Коминт.

– Не знаю, не заглядывал...

Гусар тенью скользил по кромке раскопа, неся боевое охранение.

– Белый он, приметный, – вздохнул Коминт.

– Он когда надо белый, – сказал Николай Степанович. – А когда надо...

Словно услышав, что о нём говорят, пёс спрыгнул в раскоп и, огибая углы фундаментов, выбежал на площадь.

– Кто-то идёт, – сказал Николай Степанович, вставая. – Неужели выследили? Нет, я бы понял. Кто-то посторонний.

– А кто нам свои... – махнул рукой Коминт.

Он проверил «калашников» и снова поставил его на предохранитель.

– Может, кладоискатели не унялись, – предположил Николай Степанович. – Дай-ка посмотрю... – он закрыл глаза. Здесь, в безлюдье, могло кое-что и получиться. Коминт поёжился. За много лет их совместной работы он так и не привык до конца к жутковатым фокусам командира. – Так... Восемь человек, все с оружием. И даже... ого! Гранатомёт. Серьёзные ребята.

– Теперь все серьёзные, – проворчал Коминт. – Все с гранатомётами. Одни мы, как сироты...

– А зачем тебе гранатомёт? – удивился Николай Степанович. – Ты, по-моему, ножом и танк вскроешь, как жестянку.

– А на дистанции? – не унимался Коминт.

– Ладно, будет тебе и гранатомёт... помолчим-ка пока.

⁸⁴ Эпиграф взят из романа А. Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» (1847–1850) Русский перевод В. Клименко, Г. Ермаковой-Битнер, С. Шкунаева.

⁸⁵ Также Керкенидида. Древнегреческий город-колония на западе Крымского полуострова, в границах нынешней Евпатории. Разрушен тавроскифами и войсками Митридата Евпатора.

Посыпалась земля. Где-то, невидимые простым глазом, в раскоп спускались люди.

– Прятаться будем? – спросил Коминт.

– А смысл? Они нас и так не увидят. «Серая вуаль» – штука хитрая. Сиди и слушай.

«Серая вуаль», конечно, не делала человека невидимым. Просто окружающие как-то забывали на него посмотреть. А посмотрев, тут же забывали, что посмотрели.

Появились – по их мнению, бесшумно – первые четверо.

– Нормально, командир, – вполголоса сказал один, оборачиваясь. – Только собака бегают, прирезать бы...

Гусар повернул тяжёлую башку и внимательно посмотрел на говорившего. Тот осёкся.

– Слу-ушай, Лёвка! – сказал другой. – А может, это ихняя собака? Вот мы и придём: не вы ли собачку потеряли?

– Ага, – мрачно сказал Лёвка. – С гранатомётом... Мозгом думать надо.

Был он немолод и усат. Наверное, за это его и называли командиром.

Одета группа была достаточно пёстро: кто в зимнем камуфляже, кто в летнем, кто в шинели, кто в кожане. Оружие тоже было разнообразное: три «калашникова», ППШ, винтовка-тозовка, охотничий «медведь» и помповый дробовик. Гранатомёт несли в брезентовом чехле.

Ополченцы, как определил их для себя Николай Степанович, расположились в другом углу площади и закурили. И он с удивлением отметил, что не курил сегодня вообще весь день... и, пожалуй, не курил вчера. И позавчера. Это был по-настоящему дурной признак.

– Подождём, пока они там все перепьются, – сказал командир-Лёвка. – И возьмем тёпленькими. Прямо с баб сволочей поснимаем... – он зашипел, как бы подбирая потёкшую слюну.

– На воротах всё равно кто-то будет, – сказал гранатомётчик. У него был резкий армянский акцент. – Я же говорил – с моря заходить надо. С моря всегда прикрытие небольшое.

– На море у них катер с пушкой. И в катере два гаврика. Товар они на катере возят или где?

– Катер-матер... – проворчал армянин. – Подплыли бы тихо – и никакого катера. Где катер? Не было катера. Никогда не видел катера. А вот где твой поганый блядский мент, командир?

– Придёт, рано ещё...

– Что-то я ему не верю, – сказал армянин.

– А кому ты веришь?

– Маме верю. Генералу Погосяну верю. Ментам не верю. Никогда, понял? Ещё вот таким от пола был, не верил ментам. И папа мне говорил: последним дураком будешь, если ментам поверишь.

Похоже, он тоже был не молоденький: если и младше Лёвки, то заметно старше всех остальных бойцов. Лет тридцать, определил для себя Николай Степанович. И если дойдёт почему-либо до драки, то – самый опасный боец...

– Ну и правильно делаешь. Но это нужный мент, понимаешь, Тигран? Нужный. Нам без него туда не в жисть не сунуться.

– Ты командир... – сказал Тигран и замолчал, оставшись при своём мнении.

Сидели тихо, изредка чем-то металлически брякая. Кто-то разбирал, успокаивая себя этим, пистолет.

– Не нравится мне собака, – сказал парень в шинели. – Чего она тут ходит? Будто следит. За мной раз кошки следили – жуткое дело...

– Кошки?

– Ну да. Куда ни пойду – следом кошка. Так с неделю за мной и ходили.

– Валерьянку на штаны пролил, – сказал Лёвка. – Или валокардин. Кстати, никто не взял с собой валокардина?

– Что, сердце прихватило?

– У командира не бывает сердца.

– Идёт, – сказал тот, который был с ППШ. – Слышу.

– Вояки, – сказал Тигран. – Слышит он... Я вот слышу, что машина какая-то к лагерю свернула. Это я слышу.

Раздался шорох гальки, и появился девятый: в военного образца крытой куртке и каскетке цвета маренго⁸⁶.

– Ну, слава Богу, – сказал Лёвка. – Докладывай обстановку, лейтенант.

– Чего докладывать! Пьют! – радостно сказал лейтенант. – Дато с Гвоздём уже в отключке, водилы на рулях спят, бляди скучают, и даже охрана потихоньку принимает. Я им в будку графин коньяка унес. Хороший коньяк, одесский, забористый. Валит с ног, как пулемёт.

– А Барон?

– Барон поёт – что ему. Поёт Барон. «Ай да кон авэла...»

– Гвоздь в отключке? – с сомнением спросил Тигран.

– Так он же на старые дрожжи льёт! – закричал лейтенант. – Он на старые дрожжи! Знаешь, как они вчера гудели!

– Сколько охраны? – деловито спросил Лёвка.

– Трое у Дато и столько же у Гвоздя. Полагается поровну. Давайте, парни, покажите татарве, хохлам да цыганам, кто в Крыму хозяин! Мы же люди официальные, нам нельзя...

Этого Николай Степанович не вынес. «Тот?» – прошелестел он Коминту, и Коминт пожатием руки подтвердил: тот.

– Ну, если уж вы официальные, – сказал он, подходя сзади к лже-менту поганому и накладывая длань на погон, – то я – сама Матильда Кшесинская⁸⁷.

Все вскочили, но Коминт негромко сказал:

– Не вздумайте стрельбу устраивать, козлы. Услышат.

– Да мы с тобой и вручную... – начал кто-то, но Гусар сбил говорившего с ног и встал ему на плечи.

– Спокойно, господа, – сказал Николай Степанович. – Из ваших разговоров я понял, что пришли мы сюда с одной целью. Заодно хочу вас предупредить, что этот вот субъект отнюдь не лейтенант Сермягин, как он себя называет, а глава службы безопасности УНА-УНСО⁸⁸ Константин Иванов, он же Котик Перехват. И в лагере сейчас не пьянка, как вам было солжено, а то, что в их кругах именуют «стрелкой», а в высших – «саммитом». Пьяных там нет, дураков тоже. Боюсь, что все дураки сидят здесь. Константин, потрудитесь осветить обстановку надлежащим образом, – движением руки он развернул голову «бэзпэчнику» так, чтобы тот встретился с ним глазами. Испуг и бессильная злость читались в этих глазах...

И панически-напряжённым голосом Константин, подчиняясь чужой воле, начал выкладывать всё, как оно есть на самом деле. А на самом деле...

– Нам ведь что нужно? – торопливо говорил Котик. – Нам нужно, чтобы вы там шум устроили, чтобы Дато на Гвоздя и Барона плохо подумал, а те на него, ясно? Чтобы не сгово-

⁸⁶ Каскетка (устар.) – лёгкий мужской головной убор типа фуражки без тульи. Маренго – тёмно-серый с оттенком синего цвет, он же – «цвет тёмной морской волны».

⁸⁷ Матильда Мария Кшесинская (1872–1971), известнейшая русская балерина, заслуженная артистка Его Величества Императорских театров. Была любовницей цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II, до его помолвки с принцессой Алисой Гессенской. В особняке Кшесинской после Февральской революции размещался штаб большевиков.

⁸⁸ Украинская Народная Ассамблея – Украинская Национальная Солидарная Организация. Праворадикальная организация националистического толка. Ныне частично входит в «Правый сектор». Запрещена в Крыму и России. Особых успехов не добилась.

рились они, потому как сговорившиеся они нам не нужны. А так ничего плохого я же вам не хотел...

– Не тронь пушку, – предупредил кого-то Коминт.

– Достаточно? – спросил у Лёвки Николай Степанович.

– А вам я с какой стати верить буду? – буркнул Лёвка. – Может, вы тоже...

– Представленных доказательств мало? – поднял бровь Николай Степанович. – Кстати, кто вы, герои?

– Мы – Фронт русского национального освобождения Крыма⁸⁹. А вы кто такие?

– А мы просто разыскиваем ребёнка, похищенного цыганами. Девочку держат здесь. Считайте, что мы из частной сыскной конторы.

– Крутая, должно быть, контора, – с уважением проговорил Тигран. – А сейчас этот гёт-феран⁹⁰ правду сказал?

– Всё, что мы спросили, он сказал. А если о чём-то забыли – сами виноваты. Впрочем, я тут давно с оптикой лежу. Оптика у меня хитрая. Пока что всё сходится.

Про оптику он сказал для отвода глаз. «Оптикой» Николая Степановича был Коминт, весь день незаметно проводивший там, на территории бывшего пионерлагеря. С приказом всё узнать и ни во что не вмешиваться.

– А катер?

– Дался тебе этот катер... – проворчал Лёвка.

– Хороший катер. Поэтому интересуюсь.

– На катере тоже охрана, – сказал Котик. – Четверо.

– Котельная, – страшным голосом напомнил Николай Степанович.

– Не знаю... – Котик вдруг содрогнулся мгновенно и скривился набок, как при приступе холецистита⁹¹. – И знать не хочу. Не моё дело. Сидит там какой-то придурок, не выходит никогда.

– А дети?

– Дети к нам не касаются. Это у Барона спрашивайте.

– Спросим и у Барона... Значит, сказать тебе больше нечего?

– Нечего, начальник, – обрадовался Котик.

– Ну так прощай, – сказал Николай Степанович, убрал руку с плеча – и тотчас китайский нож влетел провокатору под левую лопатку.

Ополченцы в ужасе отпрянули.

– Ребята! – расцвёл Тигран-гранатомётчик. – Настоящий командир пришёл!

⁸⁹ Вымышленная организация. Хотя кто знает...

⁹⁰ Слово персидского происхождения, имеющее много вариантов в разных языках. Но везде означает гомосексуалиста, как активного, так и пассивного.

⁹¹ Воспаление желчного пузыря.

Между Числом и Словом⁹²

(Майоренгоф⁹³, Рижское взморье, 1923, январь)

Три чайки молча плавали в прозрачном воздухе, описывая странные полужнакомые фигуры. пляж был невыносимо бел после тихого ночного снегопада, и только две цепочки синеватых следов тянулись рядом, накладываясь и пересекаясь. Люди шли навстречу друг другу, тихие и задумчивые, постояли, обменялись впечатлениями и побрели дальше, каждый по своим несуществующим делам.

Облупившиеся купальни терпеливо настроились ждать лета, заколоченные чёрным горбылем.

Скучно было в Майоренгофе, скучно и пусто.

Лишь на главной (единственной) улице городка наблюдалось какое-то оживление. Дремали на козлах два извозчика в необъятных собачьих дохах и цилиндрах, шёлковых когда-то. Компания совершенно латышских цыган⁹⁴, скромно одетых и разговаривающих хоть и по-своему, но вполголоса, выходила из винного подвальчика. На каждом крылечке сидели кошки, важные, толстые и солидные. Я уже обращал внимание на то, что кошек хозяева-латыши из принципа не кормят, но мышиная охота здесь богатейшая...

Редкие встречные оглядывались на меня в тщательно скрываемом изумлении и как бы невзначай. Все они были белые, голубоватые, зимние, а я – почти чёрный. При белых выгоревших волосах.

Вход в алюс-бар⁹⁵, как и положено было, запечатали лёгким заклятием, и я прошёл через него, как через краткий порыв встречного ветра. Открывшаяся взору картина меня восхитила.

Войди сюда невзначай посторонний человек, он не удержался бы от восклицания, увидев, как сухонький раввин, одобрительно ворча по-немецки, с азартом обглаживает свиные ножки. Ах, подумал бы он тоже по-немецки, майн либер херрен, как многое изменилось в несчастной Германии без кайзера!.. Напротив «раввина» сидел настоящий рабби Лёв⁹⁶ – величавый старец с аккуратной стриженной седой бородкой, в сине-сером двубортном пиджаке и вышитой сорочке, старец, которому больше приличествовало бы бродить по саксонским и вестфальским деревням, слушая птиц и записывая пастушеские песни; носитель же подлинно арийского тайного знания, барон Рудольф фон Зеботтендорф⁹⁷, выдавал обликом все признаки восточно-европейского местечкового происхождения. Тем более что во имя вящей маскировки он носил

⁹² Отсылка к стихотворению НСГ «Слово»: «В оный день, когда над миром новым Бог склонял лицо Свое, тогда Солнце останавливали словом, Словом разрушали города. И орел не взмахивал крылами, Звезды жались в ужасе к луне, Если, точно розовое пламя, Слово проплывало в вышине. А для низкой жизни были числа, Как домашний, подъяремный скот, Потому, что все оттенки смысла Умное число передает. Патриарх седой, себе под руку Покоривший и добро и зло, Не решаясь обратиться к звуку, Троостью на песке чертил число. Но забыли мы, что осиянно Только слово среди земных тревог, И в Евангелии от Иоанна Сказано, что слово это Бог. Мы ему поставили пределом Скучные пределы естества, И, как пчелы в улье опустелом, Дурно пахнут мертвые слова»

⁹³ Немецкое название Майори, курортного поселка части Рижского взморья.

⁹⁴ Т.ж. «лотвы». Преимущественно лютеране, живут чаще на территории Латвии. Точная численность не выяснена – около 20 тысяч человек.

⁹⁵ Пивной бар.

⁹⁶ Рабби Лёв – Йехуда Лёв бен Бецальель, знаменитый пражский раввин.

⁹⁷ В земном воплощении известный немецкий мистик и оккультист. Бароном никогда не был. Настоящее имя Глауэр, Адам Альфред Рудольф (1875 – оф. 1945). Создатель Общества Туле, оккультной организации национально-политического толка, давшей много видных нацистов и выработавшей мистическую составляющую нацистской доктрины. Установлено членство в масонских орденах, связь с суфиями ордена бекташей. Работы по астрологии, алхимии, нумерологии, теософии. Считается погибшим в Стамбуле при неустановленных обстоятельствах.

накладные пейсы⁹⁸ и маленькую шёлковую ермолку. Помимо нас троих и хозяина, в пивной никого не было и быть не могло; да и я, признаться, чувствовал себя лишним. Однако при беседах такого уровня по традиции положен был посредник, наблюдатель, третейский судья... А за такового договаривающиеся стороны взаимно согласились признать лишь посланца Мадагаскара.

Наставник Рене решил: пусть это и будет первой моей комиссией⁹⁹.

Я бы, понятно, назывался, комиссаром, если бы это старинное слово не пришлось исключить – по очевидным причинам – из нашего рабочего словаря. Пришлось вернуться к старому персидскому «диперан¹⁰⁰»...

Наставник сказал, вздыхая: Николай, ты же понимаешь, что и те, и другие занимаются вздором. Но это опасный вздор, и поэтому мы, к сожалению, должны знать всё.

– Всё чисто, – сказал я по-немецки.

Барон кончил жрать и быстрым движением вытер руки о волосы. Потом он потянул носом и попытался раскурить сигару из высушенных капустных листьев¹⁰¹, пропитанных эрзац-никотином. Рабби с истинно еврейским многостраданием готов был перенести и это, но не выдержал я. И, раскрыв серебряный портсигар (мой абиссинский трофей), предложил барону пахитоску¹⁰², собственноручно мною набитую очень хорошим турецким чёрным табаком «абдуллай». Барон, естественно, взял две – и одну сберёг за ухо.

– В Германии выдают одно куриное яйцо на одного ребёнка в месяц, – неожиданно глубоким голосом произнёс он. – А плутократы...

– Бросьте, – сказал я, смакуя новообретённый немецкий. – Никогда не поверю, что общество Туле так стеснено в средствах... – мне не следовало этого говорить (равно как и угощать барона пахитоской), но протокол протоколом, а настоящая живая жизнь – это другое.

Барон дососал пахитоску до самого мундштука, а окурок бросил в миску с костями.

– О наших средствах предоставьте судить нам, юноша, – сказал он высокомерно. В глазнице блеснул несуществующий монокль. – Ваша задача, молодой человек, – не позволить допустить, чтобы евреи в очередной раз обманули человечество.

– Я ведь могу и прервать переговоры, – сказал я и посмотрел ему в глаза, а сам подумал: будешь курить свою капусту.

Похоже, барону пришла в голову эта же самая мысль.

– Я, разумеется, не имел в виду рабби Лёва, – сказал он. – Мы люди одного круга. Благодарство, как известно, выше крови. Но, согласитесь, ведь и рабби Лёва могут использовать в своих целях всяческие нечистоплотные личности наподобие Жаботинского или, не к столу будь сказано, Бен-Гуриона¹⁰³...

– Кто такой Жаботинский¹⁰⁴? – с интересом спросил рабби Лёв. – Я уже не в первый раз слышу это: Жаботинский, Жаботинский...

– Мы здесь вести переговоры не об этом собрались, – сказал барон. – Дело вот в чём... – он вдруг замолчал и хмуро посмотрел на меня. С большим, думаю, удовольствием отправил бы он меня сейчас отдохнуть на дне местной тинной речушки... Да только вот беда: не мог. – Дело

⁹⁸ Невыстриженные волосы на висках, часть внешнего облика ортодоксальных евреев, включающего головной убор и бороду.

⁹⁹ Комиссия – здесь: выполняемое поручение или посредничество со специальными полномочиями или назначением.

¹⁰⁰ *Диперан* – (перс.): посланник, делегат.

¹⁰¹ Из-за послевоенных репараций Германия оказалась в тяжёлом экономическом положении. Множество продуктов питания и товаров были заменены самыми причудливыми эрзацами.

¹⁰² *Пахитоска* – тонкая папироса из табака, завернутого в лист кукурузы.

¹⁰³ *Бен-Гурион* – т.ж. Давид Иосиф Грин (1886–1973), крупный политический деятель, руководитель борьбы за независимость и фактически один из основателей Государства Израиль.

¹⁰⁴ Жаботинский Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880–1940). Правый сионист, талантливый писатель, публицист, переводчик, эссеист. В годы Первой мировой войны – один из создателей еврейского легиона в составе Британской армии.

вот в чём. Гезельшафт Туле предлагает Каббале¹⁰⁵ обмен. Честный обмен. Честный и выгодный обмен. Существуют, как вы знаете, сокровенные руны...

И тут произошла полная неожиданность: в пивную ввалились посетители, коих никакой протокол переговоров не предусматривал и предусматривать не мог. Было их пятеро, все примерно моих лет и чуть помоложе, кто в штатском, кто в поношенной шинели, явно мои соотечественники и наверняка товарищи по оружию. Через заговорённую дверь они прошли так же легко, как проходили в своё время через большевистские полки и дивизии. Ничто не могло свалить их с ног, кроме пули...

Мало их было. Просто мало. А пуль – эх, слишком много пуль запасено было в арсеналах на победный семнадцатый. Так много, что хватило и на девятнадцатый, и на двадцать первый...

– Скрыто, – сказал хозяин.

– Открой, – велел кадыкастый, в шинели и пенсне. Бывший дроздовец¹⁰⁶, наверное. Рука его, согнутая, чуть дрожала.

– Скрыто, – повторил хозяин и демонстративно повернулся спиной. – Не шуми. Или ити сфая софдепия пиво пить.

– Братцы, – затосковал дроздовец громко, – столбового дворянина... чухна белоглазая...

Что будет дальше, я уже почти видел. Хозяину набьют физиономию, и он побежит за полицейским; барона обзовут, к вящей радости рабби, жидовской мордой...

А закончится вот чем: барон применит не сокровенную, но вполне действенную руну «иса», и мои братья-офицеры вдруг перестанут понимать, кто они есть и где находятся, затоскуют как бы предсмертно и побредут куда-то бесцельно и неудержимо, да так и не остановятся до самой смерти в ледяном пространстве...

Допустить такого я не мог.

Я встал. Будь я одет, как они, даже разговор мог бы состояться. Я заказал бы выпивку на всех, и мы проговорили бы до утра... то есть как бы мы, потому что моего отсутствия ребята уже бы не заметили. Переговоры же барона и рабби, Туле и Каббалы, пошли бы своим чередом. Но, к сожалению, был я в английском костюме, при котелке и перчатках, с лаковой тростью – преуспевающий компатриот, крыса, успевшая сбежать не с пустыми лапками, пока они там держались зубами из последних сил – и гибли, гибли один за другим. Пристрелят они меня, как сволочь, как собаку – и правы будут. А потом – обзовут барона жидовской мордой...

– Вам ещё рано сюда, господа, – сказал я, подходя. Я был всё тот же, только во лбу моём они видели дырочку от пули.

– Иисусе Христе, – прошептал тощий в артиллерийской фуражке и мелко перекрестился. – Мертвяк. Допились. Донюхались...

– Господа, – я постарался смягчить голос до бархатного. – Живые сюда не ходят. Не принято. Вы разве в дверях ничего не заметили?

– Ника? – вдруг страшно прошептал серолицый, с уланским кантом, офицер. И я узнал моего давнего и недолгого друга, тогда вольноопределяющегося Москаленко; мы провели с ним два поиска в Пруссии, после чего он с простреленным лёгким отправился в тыл. – Так это правда? Когда же тебя?...

– Не так давно. В двадцать первом, в питерской чека.

– А я вот... видишь, до чего дошли?

– Вижу, Павлуша, вижу. И завидую. Не торопитесь к нам сюда, скучнее места ещё не придумано. И если вам не трудно... вот, не откажите принять – у нас они не в ходу, а вам могут

¹⁰⁵ Здесь: одна из ведущих тайных организаций мира, действующая на основе средневекового эзотерического течения в иудаизме, цель которого – выявить тайное знание и божественное откровение, заложенное в Торе. Отчасти союза Пятому Риму.

¹⁰⁶ Офицер или рядовой добровольческого отряда под командованием генерал-майора М. Г. Дроздовского (1881–1919), одной из самых дисциплинированных и боеспособных частей Белого движения Юга России.

пригодиться, – я протянул им пачку: здешние несерьёзные, но вполне ходовые латы пополам с английскими фунтами.

Дроздовец посмотрел на меня пристально, как бы примеряясь вложить перст в пулевое отверстие. Потом скомандовал:

– Эскадрон, кру-гом. В рай – шагом марш! – на костистом лице его разлилась смертная бледность.

Деньги он, однако, при этом прихватить не забыл и сам отходил пятясь, не подставляя спину.

Переговоры продолжились.

– Я весь внимание, – сказал рабби Лёв и поправил галстух. Было заметно, что надел он этот предмет в первый раз и очень им гордится.

– Существуют, как вы знаете, сокровенные руны, – повторил барон. – Три из них нам удалось разрешить. При раскопках в Лапландии профессором Штауфенбергом был найден резной моржовый бивень...

– Моржовый что? – не расслышал рабби¹⁰⁷.

– Моржовый бивень, венчавший шлем воина.

– Это, позвольте, вот такие викинговые шлемы с рожками? – изумился рабби. – Какой же должен быть большой викинг!...

– Землю, как известно обязано быть всем образованным людям, населяли в старину гиганты, – поучающе сказал барон. – Но и для гиганта такой шлем был бы немного великоват. Наши специалисты гарантированно установили, что подлинным владельцем шлема являлся сам бог Локи¹⁰⁸.

– Что вы говорите? – весело всплеснул руками рабби. – И как же это удалось гарантированно установить?

– Я не намерен спокойно выслушивать ваши неостроумные издевательства, – сказал, дёрнув щекой, барон.

– Но мне это действительно интересно!

– Наши методы вас не касаются. Справки были наведены в самых компетентных слоях астрала. За точность мы ручаемся.

– Если я вас правильно понял, – сказал рабби, – это ваш товар. Я, правда, не знаю, что мы будем делать с этим товаром, даже если, страшно подумать, купим его. Что, скажите мне?

– С этим товаром вы сможете, наконец, возродить своё государство, – сказал барон твёрдо. – Без всяких там Бен-Гурионов.

– В Лапландии? – невинно спросил рабби.

– В Палестине, старый ты дурак¹⁰⁹! – рявкнул барон. – В Палестине! И чем скорее вы все туда уберётесь...

– Барон, барон, – сказал я. – Извинитесь.

– Да. Рабби Лёв не дурак. Я извиняюсь.

– Дорогой барон, – сказал рабби. – А как вы мыслите реальное применение рун Локи для создания государства бедных евреев?

¹⁰⁷ Отлично он все расслышал.

¹⁰⁸ Йотун, то есть великан, сын йотуна Фарабаути и квази-женщины Лаувейи. В браке с великаншей Ангрбодой (букв. «Та, что приносит горе») родил тройку чудовищ – Хель, владычицу царства мёртвых, Фенрира, будущего погубителя Солнца, и Ёрмунганда, мирового змея. Бог обмана и хитрости, мастер коварных проделок, не щадящий даже богов и богинь. Боги позволяют ему жить с ними, потому что иногда он бывает полезен. Однако в конце концов подвергают Л. жестокому вечному наказанию.

¹⁰⁹ Историческая область Ближнего Востока, на обладание которой с меньшим правом претендует группа арабов, и с большим – евреи, чьё присутствие на этой территории фактически никогда не прерывалось. Один из очагов мировой напряжённости и постоянного конфликта.

– Как?! – закричал барон. – Посмотрите, он меня спрашивает, как! Да во-первых, с их помощью были возведены неприступные стены Асгарда¹¹⁰! Были разрушены Фивы Стовратные¹¹¹! Этими рунами владели Аттила и Агамемнон¹¹²! Нагарджуна¹¹³ и Карл Великий¹¹⁴! («И где они все теперь?» – негромко и в сторону спросил рабби.) Он-то их и закрыл, свинная голова с дерьмом вместо мозгов и сраками вместо глаз, по наущению ваших христианских попов!..

– Так уж и моих? – не поверил рабби.

– Да все вы одним мазаны...

– Барон! Второе предупреждение.

– Короче: руны эти дают богатство, славу и воинскую доблесть.

– А фатерланд вы оставляете ни с чем?

– Арийскому племени нет нужды черпать силы в мелких суевериях! – барон нервно протянул руку к моему портсигару, пощёлкал пальцами.

– Из-за этих мелких суеверий я был вынужден покинуть Прагу, чего не делал уже... м-м... скажем, так: несколько лет. Вы не поверите, как неприятно старому раввину путешествовать в этих содрогающихся железных...

– Рабби, – сказал барон проникновенно, – вы же меня знаете! Я же никогда не оторву уважаемого всеми человека от учёных занятий по сущим пустякам! Конечно, мы даем вам эти руны как бы в аренду. В пользование. Разгоните ко всем чертям арабов, обустройтесь, восстановите Храм – тогда и вернётесь.

– И что вы хотите взамен? – спросил рабби тихо.

– А вы ещё не поняли?

– Понял. Но вы всё равно скажите, вот молодой человек тоже хочет услышать.

– А он что, тоже не понял?

– Господа, господа, – сказал я. – Всё должно быть произнесено вслух. Не я завёл это правило...

– Он прав, Рудольф, – сказал рабби.

– Тетраграмматон¹¹⁵, – шёпотом произнёс барон и повторил ещё тише, но почему-то ещё слышнее: – Тетраграмматон.

От этого шёпота не то что у меня по спине – по стенам ко всему привычной пивной побежали мурашки. Латыш-хозяин алюс-бара за стойкой вдруг наклонил голову и замер, будто прислушиваясь к далёкому приближающемуся грому.

Уж не от Райниса ли он¹¹⁶? – подумал я мельком, но прогнал это подозрение: место встречи подбиралось не мной, учеником, – и крайне тщательно.

Здесь было чисто.

– Мой ответ: никогда, – сказал рабби.

– Даже в аренду?

¹¹⁰ Асгард – небесное селение, крепость богов-асов.

¹¹¹ Фивы Стовратные – древнегреческое название столицы Верхнего Египта, захваченной царём Ашшурбанипалом и окончательно разрушенной при династии Птолемеев.

¹¹² Агамемнон – (мифол.) царь Микен, один из самых удачливых полководцев Троянской войны.

¹¹³ Нагарджуна (II-III в. н. э.) – великий мыслитель буддизма махаяны, постигший пустотную часть Вселенной, развивший мысль о бесконечном самообуславливании явлениями друг друга.

¹¹⁴ Карл Великий – (744 – оф. 814), король франков, император Запада, победитель саксов. Реформатор, просветитель, устроитель.

¹¹⁵ В иудейской традиции – запретное четырёхбуквенное собственное имя бога. Вполне возможно, что и не четырёхбуквенное, и буквы не еврейские. ДХШ утверждает, что это имя представляет собой 4 в 6-й степени и при написании образует квадрат 64 знака на 64 строки. Чёрный такой квадрат...

¹¹⁶ Райнис, Ян (Плиекшанс, Янис, 1865 – оф. 1929), классик латышской литературы, поэт, переводчик, драматург и политик. Знаток открытого и скрытого латышского фольклора. В Майори ему и его жене поэтессе Аспазии установлен бронзовый памятник (по данным ДХШ, мощный обсерваторий), а на Меркурии у него есть собственный кратер.

– А в аренду тем более.

– И даже на самых выгодных условиях?

– Барон, вот я сижу перед тобой, старый Исав. И ты танцуешь передо мной, старый Иаков¹¹⁷. И твоя чечевица давно остыла. Что слава, доблесть, богатство? Дым. И ты хочешь за дым приобрести солнце? Смешно. Вот и молодой человек посмеётся вместе со мной. Ха-ха-ха.

Я и рад был бы от души посмеяться, но не знал толком, над чем. Да и вид барона не располагал к весёлому смеху. Так выглядит человек, который опрокинул стопку чистого спирту, а там – вода...

Он долго сидел, обхватив голову руками. Потом выпрямился. Лицо его было белое.

– Ты мне всё равно отдашь его, – сказал он, присвистывая бронхами. – Сам придёшь. На коленях приползёшь. Молить будешь: возьми. Даром возьми. Ты просто не представляешь цену, которую тебе придётся заплатить за сегодняшний отказ...

Но, как бы ни шипел барон, а рабби Лёв в своё время на равных говорил с императором Рудольфом Габсбургом¹¹⁸, тёзкой барона и великим алхимиком...

– Господа, господа, – поспешно вклинился я, – а что это мы пиво-то не пьём?

¹¹⁷ ...старый Исав... старый Иаков... – (Библия, Быт. 25:23) – Исав, старший сын Исаака, отдаёт своё первородство перехитрившему его младшему брату Иакову за миску чечевичной похлёбки.

¹¹⁸ Рудольф II (1552 – оф. 1612), император Священной Римской империи, правитель, политик, крупный деятель Возрождения. Работал со многими великими учёными своего времени, занимался оккультизмом и алхимией с Джоном Ди, Эдвардом Келли и Тихо Браге. По разъяснению ДХШ, получил при изучении рукописи Войнича жестокую психическую травму в результате высвобождения неких сил, начавших его преследовать. Вынужден был скрыться в астрале.

5

Побеждая, надо уметь остановиться.
*Лао Цзы*¹¹⁹

Операция не могла не удалиться, поскольку Николай Степанович был самым старым солдатом на свете.

– Сверим часы. Без четверти три.

– Так точно, – сказал Лёвка.

– Два сорок два, – сказал Тигран. – Сейчас подведём.

– Гусар, – сказал Коминт.

И точно – вернулся Гусар. Встал боком, порываясь убежать обратно и как бы приглашая идти за собой.

– Ну, всё, – сказал Николай Степанович. – В три ровно переходим шоссе. Лев, иди за Гусаром, он дорогу знает. И – слушайся его...

– Постой! – вскинулся Лёвка. – У них же у самих собак – как собак... тьфу... Дато всюду со своим ротвейлером ходит, даже в сауну... и вообще...

– А вы, значит, и об этом не подумали? Нормально, ребята. Всех вас стоило бы расстрелять перед вашим же строем...

Тигран нервно хихикнул.

– А ты, Саят-Нова¹²⁰, что бы ни происходило, хоть голые девки из-под каждого куста ползут, – бежишь на пляж и очень метко стреляешь по катеру. Иначе они из своего «владимира»¹²¹ нас пошинкуют мелко-мелко.

– Понял, командир, – сказал Тигран. – Мне тоже этот катер очень не нравится, не знаю, почему.

– Ну, всё, – сказал Николай Степанович. – Патронов не жалеть, пленных не брать.

– И блядей? – с сожалением спросил кто-то.

– Женщин и детей не трогать. Мы не горцы.

– Понял, командир!..

Шоссе переползли тишком ровно в три часа. Коминт вёл, Тигран шёл вторым, Николай Степанович прикрывал. Ещё десять минут ушло на поиск отметины, оставленной Гусаром.

– Здесь, – сказал, наконец, Коминт.

Лаз в зарослях ежевики был совершенно незаметен, и выдавал его лишь резкий мускусный запах. Луна, наливаясь багровым, висела справа – на удачу.

Они протиснулись в узкий лаз. Под забором было подмыто, промоину затягивала железная сетка, отодранная с одного конца. По верху забора висела спираль Бруно¹²² и светились глазки охранных устройств. А здесь – всего только крапива, зимой не имеющая силы.

Стрелки сошлись чуть пониже трёх, когда маленький отряд пробрался сквозь акацию и занял исходную позицию у подножия разросшейся шелковицы. Луна теперь была впереди,

¹¹⁹ Эпиграф взят из главного труда великого китайского мистика и квиетиста Лао Цзы «Дао Дэ Цзин» (Книга пути. Пер. В. П. Малявина).

¹²⁰ *Саят-Нова*... – псевдоним Арутюна Саядяна (1712–1795), армянского поэта и ашуга, создателя уникального типа любовной лирики, загадочного символической системы. Писал на многих языках, преимущественно на азербайджанском и армянском, есть несколько русских стихотворений и песен. НСГ явно кодирует Тиграна на гениальность.

¹²¹ КПВ, крупнокалиберный пулемёт Владимирова, калибр 14,5 мм. Самый мощный из станковых. Жуткая штука.

¹²² Защитное устройство, провололочные петли с режущими накладками.

очень низко, и на фоне серебрящегося неба резко отпечатаны были силуэты корпусов, тарелка спутниковой антенны на крыше столовой и тонкая труба далёкой котельной.

– Этот корпус? – прошептал Николай Степанович, указывая Коминту на ближайший к ним.

– Этот.

– Ну, с Богом... – он перекрестил друга, тот кивнул – и растворился в темноте.

Потянулось томительно время. Минута. Две минуты. Три.

– Что ж ты, Гусар...

И тут грянуло!

Это происходило довольно далеко, и всё же – такого воя и рычания дикой собачьей битвы ему слышать не приходилось. Будто не десяток собак носилось по бывшему (впрочем, почему бывшему?) лагерю – и вдруг сошлись каждая против всех, – а сотни, тысячи... Тигран напрягся и задрожал.

– Тише, воин, – Николай Степанович дотронулся до него. – Дай им втянуться.

– Мой выстрел первый...

– Конечно. Поэтому и говорю: дай им втянуться.

Крики людей, слабые хлопки в небо – было ничто.

Прошла ещё минута.

– Давай.

Тиграну нужно было пробежать метров пятьдесят до бетонной решётки, символически отделяющей лагерь от пляжа, но Николаю Степановичу показалось, что гранатомётчик просто исчез здесь и тут же появился там. Положил аккуратно трубу в развилку бетонных планок, постоял, ловя цель – спина его была натянута, как струнка, потом расслабилась...

Выстрел был оглушительный.

А попадание – ослепительным. Огненное полушарие взорвалось над морем, высветив и надолго зафиксировав пирамидальные тополя, отблески в тёмных окнах, зеркально-чёрные машины...

Несколько хлёстких очередей ударили позади, а потом зарычал пулемёт, и ничего не стало слышно.

– Ну, вперед, – сказал сам себе Николай Степанович и быстро пошёл, почти побежал, к темневшей вдали котельной.

...Живые лежали справа, а мёртвые слева. Мёртвых было значительно больше. Бляди жались к стене и даже не всхлипывали: понимали. Николай Степанович пересчитал Лёвкино воинство: одного не хватало. Всего только одного...

– Я Вовика у шоссейки положил, – сказал, подходя, разгорячённый Лёвка. – С пулемётиком. Если ментура в городе загоношится...

Лицо Лёвки было по низу обмотано серым в клеточку шарфом. Николаю Степановичу удалось убедить русское воинство, что прятать лицо от внутреннего врага не позор, а прозорливость.

– Хорошо сработано, парни, – сказал Николай Степанович. – Всякое дело следует начинать с победы. В двух словах: как?

– А здорово! Гусар, наверное, сучкой прикинулся, все псы за ним помчались, а потом грызться начали, а охрана их растаскивать давай, водой, то-сё... Бдительность ослабили. Ну, тут и мы – помогли. Разняли, больше не грызутся!

– Мой старикашка-ниндзя ещё не появился?

– Здесь я, Степаныч, – сказал из дверей Коминт. – Мне люди нужны, детишек нести. Они не все ходить могут.

– Возьми блядей. Лев, выделите двух своих ребят – на всякий пожарный. А я пока взгляну на наших аманатов¹²³... Вы знаете, кто такие аманаты, Лев?

– Я кандидат исторических наук! – обиделся Лёвка.

– А чем же занимаетесь, помимо сражений?

– Да так... депутатствую.

Николай Степанович посмотрел на него с уважением.

– Крепкий депутат нынче пошёл. Куда там булыгинской Думе... У меня тоже сын был историк. И тоже Лев¹²⁴.

– Был?

– Да. Умер недавно.

– Своей смертью?

– Да уж не чужой...

– Что-то молодые часто помирать стали. Эх, времечко...

Николай Степанович встал над лежащими мордой в ковёр аманатами. Носком сапога заставил крайнего в ряду перевернуться. Это был одесско-восточного вида молодой человек с тонкими усиками и щедрыми бланшами¹²⁵ по всей физиономии.

– Дато, – с гордостью подсказал из-за спины Тигран.

– Имя меня интересует менее всего, – сказал Николай Степанович.

– Маму я твою мотал, – тускло заговорил Дато, – папу я твоего мотал...

– Ну-ну, – поощрил его Николай Степанович. – Продолжайте.

– Ты покойник, понял? Вы все покойники. А ну, пустите меня!.. – он сорвался на визг.

– А мы и так все покойники, только в затянувшемся отпуске¹²⁶, – пожал плечами Николай Степанович. – У вас есть что добавить?

– В эмвэдэ хочу звонить! – потребовал Дато.

– Нэзалэжной Украины? – уточнил Николай Степанович. И, оборотясь к воинству, сказал с укором: – Я же велел пленных не брать...

– Да вот, батко... произошло. Допросить, может, надо...

– Где товар прячут? – поднял бровь Николай Степанович.

– Как бы в том числе.

– Вот уж нет, господа, – сказал Николай Степанович. – В этом деле я вам не помощник. А если у вас хватит смысла прислушаться к доброму совету, то вот он: не торгуйте во Храме.

– Но, батко, ведь дело требует денег...

– Так берите деньги. Но – не торгуйте. Я многое повидал и знаю, что говорю. Эй, Дато – или как там тебя? Сколько выложишь за свою шкурку?

– Думаешь, я тебя покупать буду? – сказал Дато. – Я тебе кишки мотать буду, яйца резать буду, ты кушать их будешь... Двадцать тонн.

– Скоки-скоки? – прыснул Лёвка. – А мы-то танк размахнулись купить...

– Базар будет, если... – начал Дато, но тут сам, не дожидаясь приглашения, подал голос его сосед по ковру.

– Да что вы от мальчишки хотите? Он здесь по найму. За слово не отвечает. Давайте поговорим, как солидные люди.

– Представьтесь, солидный, – сказал Николай Степанович.

– Вениамин Сергеевич Птичкин, президент банка «Пантикапей-кредит»...

¹²³ Аманат: здесь: (общекавк.) заложник во время войны.

¹²⁴ Л. Н. Гумилёв (1912–1992), сын НСГ и А. А. Ахматовой, этнолог, историк, востоковед, поэт, писатель, переводчик. Автор пассионарной теории этногенеза, не получившей признания среди учёных историков и этнологов.

¹²⁵ Здесь: синяк, фонарь (жарг.).

¹²⁶ Парафраз цитаты из романа Э. М. Ремарка «Триумфальная арка» (1945): «Без любви человек не более чем мертвец в отпуске».

– Он же Гвоздь, – уточнил Тигран.

– Ну, это понятно, – сказал Николай Степанович. – Все банкиры – истинные разбойники. Хотя... Итак, господин Птичкин Гвоздь, сколько бы мы могли взять, взломав сейфы вашего банка?

– Ну, я не могу назвать точную цифру...

– Унести на себе можно – или надо с машиной подъезжать?

– Лучше, конечно, с машиной.

– С катафалком, – уточнил Дато.

– Будем считать, что мы *забили стрелку*, – сказал Николай Степанович. Весёлый этот разговор ему надоел. Тем более накатывало что-то, он спиной это чувствовал... – Где у нас третий?

– Да вот же он.

Третий вставал из угла, бесформенно-белый, как раздёрганный ком ваты: седой, борода-тый и страшно испуганный.

– Ба... тяня? Батяня, ты? Н-никтолай С-степпа... Товарищ командир...

Лёвкины глаза, и без того навывкате, решили окончательно покинуть родные глазницы. Он переводил взгляд с Барона на Николая Степановича, и Барон получался заметно старше...

– Илюха? – не сразу пришёл в себя Николай Степанович. – Агафонов? Боец Агафонов? Какого хера вы делаете здесь, в этом... – он сдержался.

– Да я... вот тут это... Дело у меня тут.

– А, так это, значит, твоё дело? Тесен мир... Что ж, Илюша, ты закон знаешь...

– Да, – сглотнул старый цыган.

– Овцу, если ты помнишь, я тебе простил.

– Простил, батяня.

– Этого, уж извини, простить не могу...

– Понимаю, батяня...

Пронзительный вопль, в котором живой души не было, донёсся издалека.

– Тогда – пошли, – Николай Степанович снял с плеча автомат, кивнул на дверь.

– Прямо... сейчас? – цыган сгорбился.

– А чего тянуть?

– Да, чего тянуть... – согласился Барон. – Веди, батяня. А этим не верь, обманут. Всех всегда обманывают. Даже меня хотели обмануть.

– Да я и не верю, – сказал Николай Степанович.

Они вышли из столовой и свернули налево, в сторону от освещённой стоянки.

Вопль, теперь уже многоголосый и яростный, накатывался.

– Стой здесь, – велел Николай Степанович, поднимая руку. – И ни шагу.

Сам он вернулся к крыльцу, встал сбоку.

Разъярённые, как кошки, неслись к столовой четверо девиц. Не кошки, нет: тигрицы. Эринии¹²⁷. Демоны ада. Два пацана с автоматами не успевали за ними, а последним шёл Коминт с девочкой на руках.

Ком тел, грохоча, ворвался в помещение. Там – взорвалось...

– Вот – наша, – сказал Коминт. – Ещё почти нормальная. Бляди как там всё увидели...

– Я понимаю, – сказал Николай Степанович. – Давай девочку – и помоги им, если хочешь.

– Всех кончать?

– Да, наверное. Всех.

¹²⁷ Богини мести в древнегреческой мифологии (фурии в римской).

С министром внутренних дел республики Крым Николай Степанович беседовал минут сорок, и они расстались, вполне довольные друг другом.

Лёвка и Тигран ждали внизу в трофейном «датсуне». Номера уже стояли новые.

– Командир, могу я задать нескромный вопрос? – спросил Лёвка. За этот день он приободрился и смотрел на всех несколько свысока.

– Извольте, пан депутат.

– Вы из уголовных или наоборот?

– А между ними есть какая-то разница?

– Ну, всё-таки...

– Вообще-то я из Александрийских гусар.

– Понятно, – кивнул Лёвка.

– Лев, вы меня очень обяжете, если не будете трепаться о встрече со мной хотя бы со своей высокой депутатской трибуны.

– Никола-ай Степанович!.. – обиженно протянул Лёвка.

– Давайте за моими – и на вокзал.

Вовик-пулемётчик жил в симпатичном белом двухэтажном доме на углу квартала. Во дворе, возле высохшего фонтана, на скамейке сидели и ждали Коминт и Ирочка. Ручка её была в новом гипсе, сложенная теперь уже правильно.

– Коминт, на два слова, – попросил Николай Степанович.

– Она меня не отпускает, – улыбнулся Коминт. – Только в сортир согласилась, и то под дверью скреблась.

– Ладно. Дело вот в чём... Короче, наш налёт дал очень мало. Всего одну дозу. Этот Гвоздь месяц назад вывез практически всё... Эх, был ведь у меня когда-то этого дерьма полный чемодан!

– Им-то оно зачем?

– Золото делать. Идиоты. А новое поступление, как сказал наш друг Илья, ожидается не раньше марта. Понимаешь?

– Ещё нет.

– Хорошо. Открытым текстом. Ты берёшь вот это, – Николай Степанович вложил в руку Коминта толстенький флакончик из-под йода. – Сразу же идёшь к Лидочке в больницу и потихоньку от врачей даёшь ей эту пилюлю. – Он встряхнул флакончик, внутри подпрыгнул маленький шарик. – Его нужно разжевать или раздавить пальцами. Не глотать целиком, понимаешь? Это важно. И всё.

– Постой. А как же твои?

– Разберусь. Разберусь, Коминт. Давай: девочка и мамаша. Это на тебе.

– Ты не прав, Степаныч.

– Я прав.

– А как ты тут будешь один? Если эти... друзья убиенных...

– Как учил нас товарищ Сталин? Переживать неприятности по мере их поступления.

– Это разве его слова?

– Не знаю, как слова, а выучка точно его. Да, вот, чуть не забыл... – Николай Степанович достал записную книжку, вырвал листок. – Шесть номеров. Идём ва-банк.

– Розыгрыш на следующей неделе?

– Сегодня пятница? Значит, на следующей.

Когда я был влюблён...

(Атлантика, 1930, апрель)

Известие о самоубийстве Маяковского¹²⁸ настигло меня уже в Гавре. В ожидании посадки на «Кэт оф Чешир»¹²⁹ я просматривал русские парижские газеты – и наткнулся на два сообщения кряду. Они имели непристойно-злорадный характер и с истиной совершенно не сопрягались. Предположений о причинах трагедии было два: самоубийство на почве сифилиса – и выбраковка чекистами отработанного материала. Я положил себе вечером в баре выпить за упокой его освободившейся души, а в Вашингтоне зайти в маленькую церквушку пресвятого Николая-чудотворца и заказать панихиду. Поскольку, вероятно, я был единственным, кто знал, что именно случилось с этим несчастным чудовищем...

Если, конечно, «красная магия» не навострилась ещё пользоваться «Некрономиком»¹³⁰. Ведь выстрелил он себе всё-таки в сердце, а не в висок...

Каюта моя располагалась на палубе А по левому борту, ближе к носу и совсем недалеко от судового ресторана первого класса – так что даже негромкий оркестрик его в первые ночи мешал мне спать. А спать хотелось – как на фронте. Впрочем, грех роптать человеку¹³¹, приплывшему в своё время к африканскому берегу в трюме французского парохода в компании с неграми, гусями и домашней скотиной. Было там нас, бродяг, не менее пяти сотен, и никаких привилегий и удобств безденежному поэту не полагалось, да и пресловутого «бремени белого человека» я на себе никак не ощутил: шлёпал, как все, засаленными картами по перевёрнутому ящику из-под жестянок с питательной мукой «Нестле» и даже немного выиграл благодаря приобретённому ещё в Царском Селе умению сохранять невозмутимую мину при самом скверном раскладе.

¹²⁸ 14 апреля 1930 года. Существует много версий, от глупой смерти по неосторожности и до инсценировки самоубийства ОГПУ или преступной группой. Более всего тумана нагоняет использованное оружие. В газетных сообщениях, появившихся в первые часы после события, фигурирует «наган». В милицеском протоколе – «револьвер «маузер» калибра 7,65». К протоколу приложен фотоснимок, где ясно виден «браунинг-1900» также калибра 7,65. Ни пули, ни гильзы в деле не фигурируют, проводилась ли их экспертиза – неясно. Неопределённости добавляет то, что в 20–30 годы револьвером зачастую назывались самозарядные пистолеты, причём не только неформально, но и в оружейных каталогах и официальных документах. Согласно представленной ОГПУ справке, Маяковский имел в личном пользовании самозарядный пистолет «маузер-1914» калибра 7,65, а также два «браунинга» моделей 1900 и 1919 и «байярд-1923» того же калибра; плюс к этому в его коллекции имелось два малокалиберных револьвера «велодог». Проведённая в начале 90 гг. экспертиза показала, что «браунинг-1900» был вычищен после выстрела; «байярд» и «маузер» после последнего выстрела не чистились. Понятно, что делать окончательные выводы, имея такой набор вводных, крайне трудно. Показания Вероники Полонской, которая, похоже, что-то тщательно скрывала, ещё больше всё запутывают. Известно, впрочем, что в квартире поэта ещё до приезда милиции побывали Я. Агранов и М. Кольцов...

¹²⁹ НСГ, разумеется, шутит. Компания Liverpool Steamship Company Limited имела на трансатлантических линиях два судна: Duke of Marlborough и Earl of Chester, оба постройки 1899 года (прошли глубокую модернизацию в 1926–27 годах). Суда отличались невероятной комфортностью и роскошью и относились скорее к круизным, нежели к лайнерам – однако же исправно обслуживали линию Ливерпуль – Нью-Йорк – Рио-де-Жанейро вплоть до 1938 года, когда Duke of Marlborough сильно пострадал при пожаре в сухом доке, и его решили не восстанавливать, а Earl of Chester после трёхлетнего ремонта был переоборудован в плавучий госпиталь; отправлен на слом в начале 1950-х годов. The Cheshire Cat – персонаж «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла.

¹³⁰ «Некрономикон» – книга, авторство которой приписывается Аль-Хазреду; скорее всего, однако, он лишь свёл воедино разрозненные тексты. Формально эта книга представляет собой руководство по некромантике, однако содержит большое количество нарочитых ошибок, губительно действующих на неопытного некроманта, а тем более на простого любопытствующего. Окружена массой легенд и домыслов. В СССР издана в конце 1936 года тиражом 99 экземпляров, из которых в настоящее время уцелело только четыре.

¹³¹ Кратко описаны реальные обстоятельства плавания НСГ в Африку. Подробно см., например, А. Давидсон, «Муза странствий Николая Гумилёва» М., Наука, 1992.

А сейчас – стены каюты были обиты шёлком в мелкий цветочек, на столе в бронзовом кольце закреплена была хрустальная ваза с цветами; цветы вышколенные стюарды с пугающей неотвратимостью регулярно заменяли свежими, всех сортов мороженого мне так и не удалось перепробовать, и вообще судно это напоминало роскошный плавающий санаторий для больных особой, не всем доступной болезнью.

«Кэт оф Чешир» никогда не взял бы «Голубой ленты Атлантики»¹³². Он просто пренебрёг бы этой наградой. Куда торопиться, если жизнь так великолепна?

На корабле выходили две газеты, утренняя и вечерняя. Каждый пассажир имел возможность почти без хлопот издать собственную книжку, или журнал, или альманах. Театр за восемнадцать дней плавания дал одиннадцать премьер. В двух уютных кинозалах демонстрировались как наиновейшие, так и ставшие классикой фильмы. Оранжерея исправно снабжала нас овощами, зеленью и расхожими цветами наподобие гладиолусов. Запахи и звуки расположенной в трюмах на корме бойни не доносились до нас, зато от коптител текли самые выразительные ароматы. Танцзал не прекращал работу ни на секунду. Игры и забавы были чрезмерны и неопишуты, а корабельный импрессарио неистощим на выдумку...

По глубокому моему убеждению, богатство само по себе является одной из форм шизофрении или же паранойи – в науке Фрейда и месье Шарко я не силен. Почти каждый из пассажиров нёс в себе заряд лёгкого (либо не очень) безумия.

Поначалу для компании мне показался подходящим один здоровенный швед по фамилии Хансен¹³³ – он вёл себя всегда невозмутимо и только поглощал в огромном количестве горький тёмный «Гиннес», но и господин Хансен подвёл: из беседы с ним я вдруг понял, что милейший Арне искренне полагает, что пароход наш направляется отнюдь не из Гавра в Нью-Йорк, а, напротив, только что вышел из мексиканского порта Веракрус, чтобы достигнуть порта Бремерхафен в Германии...

В двадцать лет, в Париже, я многое бы отдал за возможность менять орхидею в петлице каждый день. Молодые французские поэты, с которыми я в то время водил знакомство, полагали особым шиком сочетать рваные штаны со свежей орхидеей. Теперь это не вызывало ничего, кроме лёгкой докуки.

Что лишний раз доказывает иллюзорность и искусственность почти всех наших устремлений...

В ресторан полагалось являться пять раз на дню, а с поздним ужином – и шесть. Но поздним ужином пользовались лишь засидевшиеся за картами, причём колоды постоянно обновлялись, как в лучших казино. Для американцев, по привычке, сохранившейся со времён сухого закона, напивающихся впрок, был предусмотрен особый бар с усыпальницей. Если прибавить, что каждый день пароход был поначалу настигаем, а потом встречаем гидропланом, который привозил пресловутые орхидеи, свежие устрицы, полевою землянику и прочие прихотливые фрукты, голландские сливки и лондонские, парижские и берлинские газеты, то цена билета вроде бы и не казалась чрезмерной. А когда-то за эти деньги я мог трижды пересечь Африку от Алжира до мыса Доброй Надежды...

Соответствующим было и общество. Князя и графя, как выражался мой язвительный фронтовой товарищ Трохин... Блистательно и невыносимо скучно. Рамолическую ажитацию¹³⁴ вносило лишь присутствие на борту знаменитой германской актрисы Марлен Дитрих¹³⁵, кото-

¹³² Сэмюэл Кьюнард учредил переходящий виртуальный приз за самое быстрое пересечение Атлантики, голубую ленту, повязывавшуюся на трубу парохода. С 1934 года – 45-килограммовый серебряный кубок, заказанный Г. Хейлзом.

¹³³ Персонаж сатирического романа К. Э. Портер «Корабль дураков» (1962, рус. пер. 1982). Там-то, в романе, он точно плывёт в Бремерхафен из Веракруса.

¹³⁴ То есть слабоумное ликование.

¹³⁵ Великая немецкая актриса и певица, она же Мария Маргарет Дитрих фон Лош (1901–1991). «Знойная женщина со стальным позвоночником» (с). Макс Рейнхардт, Рудольф Зибер, Эрих Мария Ремарк, Жан Габен, Спенсер Трейси, Эрнест

рая в сопровождении своего режиссёра, не менее знаменитого Йозефа фон Штернберга¹³⁶, шла походом на Голливуд. Развевались штандарты, били барабаны, Грета Гарбо билась в истерике, Фербенкс и Чаплин готовились к новым упоительным победам... Баронессы и виконтессы однажды умолили её что-нибудь исполнить, и она с вызывающей вульгарностью (больше не попросят!) исполнила грубую солдатскую песню¹³⁷, которая потом доставала нас в полесских болотах. Я тут же начал, как сказал Козьма Прутков¹³⁸, «по-военному подпускать к ней амура». Такое, разумеется, строжайше запрещалось условиями моего испытания, но... Но. Покажите мне того человека, который смог бы удержаться. Покажите мне того поэта, если его фамилия не Кузмин...

Первоначальный замысел мой был назваться практикующим оккультистом из братства «Голубая устрица», единственным уцелевшим после устроенной большевиками резни. Но в первый же вечер в ресторане я буквально лицом к лицу столкнулся с Петром Демьяновичем Успенским¹³⁹... Слава Богу, он меня не узнал: на его лекциях я сидел обычно в задних рядах, провоцирующих либо профанических реплик не подавал, да и изменился я с тех пор изрядно: отпустил волосы, усы, шкиперскую бородку. Только глаза по-прежнему косили: один смотрел на собеседника, другой на женщин. С этим я ничего сделать не мог, и учителя мои тоже не могли. Только мэтр Рене ворчал что-то насчёт необходимости постоянно укрощать змея кундалини¹⁴⁰, но от него я кое-как отбил в пору припомненной цитатой из сочинений Ивана Баркова¹⁴¹.

Хэмингуэй и многие другие были её «звёздочками на фюзеляже».

¹³⁶ *Йозеф фон Штернберг* (1894–1969) – австрийско-германо-американский кинорежиссёр, снявший её лучшие фильмы.

¹³⁷ «Лили Марлен» (1915). Стихи Ханса Лайпа, музыка Норберта Шульце. Что касается даты первого исполнения, то здесь встречаются большие разночтения: от 1923 г. до 1939 г. Так или иначе, в 1941 снята с эфира по требованию Геббельса как «упадочническая» и «депрессивная», но по тысячам просьб солдат вермахта её вернули в эфир. Неожиданную популярность песня приобрела среди английских и американских солдат. Самый известный перевод на русский язык сделан И. Бродским, хотя перевод С. Шатрова, похоже, следует считать гораздо более точным. Вы можете сравнить: ИОСИФ БРОДСКИЙ: Возле казармы, в свете фонаря кружатся попарно листья сентября, Ах как давно у этих стен сам стоял, стоял и ждал тебя, Лили Марлен, тебя, Лили Марлен. Если в окопах от страха не умру, если мне снайпер не сделает дыру, если я сам не сдамся в плен, то будем вновь крутить любовь под фонарём с тобой вдвоём, моя Лили Марлен. Лупят ураганом, Боже помоги, я отдам Иванам шлем и сапоги, лишь бы разрешили мне взамен под фонарём стоять вдвоём с тобой, Лили Марлен, с тобой, Лили Марлен. Есть ли что банальней смерти на войне и сентиментальней встречи при луне, есть ли что круглей твоих колен, колен твоих, Ich liebe dich, моя Лили Марлен, моя Лили Марлен. Кончатся снаряды, кончится война, возле ограды, в сумерках одна, будешь ты стоять у этих стен, во мгле стоять, стоять и ждать меня, Лили Марлен, моя Лили Марлен. СЕРГЕЙ ШАТРОВ: Возле казармы, Освещая двор, Столб стоял фонарный — И там он до сих пор. У фонаря когда-нибудь Мы встретимся — ты не забудь — Как встарь, Лили Марлен. Как встарь, Лили Марлен. Наши тени вместе Кажутся одной, И как жених с невестой Мы выглядим с тобой. Пусть же узнают все о том, Увидев нас под фонарём С тобой, Лили Марлен. С тобой, Лили Марлен. Крикнул часовой мне: «Отбой, имей в виду! О гауптвахте помни.» — «Иду, браток, иду.» Тут мы простились горячо, Ах, если б мне побыть ещё С тобой, Лили Марлен. С тобой, Лили Марлен. Лёгкую походку Знает он твою, Светит для кого-то, А я в чужом краю. Что если не вернусь живым, Кто будет там стоять под ним С тобой, Лили Марлен? С тобой, Лили Марлен. Что за наважденье — Из земли сырой Губ твоих велением Я встаю живой. В дымке вечерняя заря, И я опять у фонаря — Как встарь, Лили Марлен. С тобой, Лили Марлен.

¹³⁸ Результат попытки создать вербального кадавра, обернувшийся уникальным результатом получения вербального анимала с не менее уникальными свойствами воспроизводства юмористико-абсурдистских оценок характерных черт человеческого бытового, бюрократического и эстетического мышления. Сохраняет жизнеспособность вот уже третье столетие. Остался единственным прецедентом.

¹³⁹ Петр Демьянович Успенский (1878–1947), русский философ-эзотерик, математик, оккультист, практик таро, лектор и писатель. Ученик, затем противник Г. И. Гурджиева. Проникал в четвёртое измерение, но не осознал проникновения.

¹⁴⁰ На санскрите «свернувшийся змей». Йоги и эзотерики утверждают наличие скопления жизненной энергии в основании позвоночника и органах малого таза, символически изображаемой в виде спящей змеи. Влюблённость, глубокая медитация, изменение типа сексуальности якобы могут быть вызваны пробуждением К. Неосторожная активация ведёт к чрезмерному подъёму её по позвоночнику и «удару» в мозг.

¹⁴¹ Иван Семенович Барков (1732–1768). Русский поэт, переводчик, личный секретарь М. В. Ломоносова. Автор как вполне печатных, так и «срамных», т. е. эротических, поэм и стихотворений, пользовавшихся широкой известностью, но при жизни Б. не издававшихся и, скорее всего, уцелевших лишь частично (сборник «Девичья игрушка»). Подавляющая часть произведений, приписываемых И. Баркову, написаны другими авторами (среди них М. Чулков и А. Олсуфьев, но основная масса – анонимы).

Разумеется, пуститься в странствие на таком роскошном корабле за свой счёт Пётр Демьянович не мог – его пригласили какие-то состоятельные заокеанские теософы, не иначе. А коли так, то не в трюме же ему было ехать!

Но как же мне повезло, что я не успел ничего ляпнуть про оккультизм: иначе дамы скрутили бы нас и, усадив за один столик, потребовали бы немедленного раскрытия тайн и сокрытия покровов. *Isida Denudata*¹⁴² и тому подобное. А теперь – отдуваться пришлось одному профессору, я же сказался этнографом, знатоком и переводчиком амхарских песен и баллад. Баллады меня исполнять никто не просил. Это вам не «Лили Марлен»...

Профессор объяснял дамам и проигравшимся в пух кавалерам, что все люди, в сущности, спят, а лишь некоторые, очень немногие, способны изредка просыпаться, и уж совсем единицы – бодрствуют постоянно. Из этого я заключил, как говорят американцы, со стопроцентной гарантией, что профессор – не из наших, а лишь спекулятор и визионер, правда, высочайшего класса. К Пятому Риму он не имел ни малейшего отношения. Классический образчик «автогена». А следовательно, не мог быть и моим контролёром. Хотя... ведь поверх одной маски вполне может быть надета другая, третья – и так до семи включительно.

В ресторане я делил столик с богатым скотопромышленником из Чикаго и забавной четой французских аристократов, которых покори́л глубоким знанием поэзии Леконта де Лиля¹⁴³ и Жозе-Мари Эредиа¹⁴⁴. Тема для бесед нам была обеспечена на все шестнадцать дней пути. Скотопромышленник мистер Атсон время от времени оживлял разговор повестями о гангстерских войнах в его родном городе. Увлекаясь, он начинал изображать схватки и перестрелки в лицах, прятался за салатницей, устраивал засады в баночке с горчицей, в качестве автомобиля Клопа Мэллоуна использовал подставку для салфеток и мастерски подражал звукам автоматической стрельбы, описывая бойню в День святого Валентина¹⁴⁵. ... Французам с их старомодными апашами¹⁴⁶ крыть было нечем. А мне было чем, но не хотелось портить аппетит ни в чём не повинным людям. Мадам была старше месье лет на сорок. Разницу эту мадам возмещала изрядным состоянием, а месье – титулом виконта дю Трамбле¹⁴⁷.

На третий день мы с Марлен были уже на ты. Ещё одна ночь, и эта женщина будет моей... Бр-р, ну и фраза... Прямо хоть вставляй её в уста злодея из романов Чарской¹⁴⁸. Фон Штерн-

¹⁴² Точнее: Изиды. Древнеегипетская богиня живой природы, сестра и супруга Осириса, мать Гора, бога с головой сокола. Покровительница рабов, грешников, угнетённых, ремесленников, богатых, девиц, знатных и царей. Попутно защищает мёртвых и детей. Культ И. (и связанные с ним мистерии) был популярен и после укрепления христианства. «Покрывало И.» – образ из стихотворения Ф. Шиллера, означающий покров, скрывающий тайну или истинный облик. Русские мартинисты в начале XX века издавали широко популярный журнал астрологический и эзотерический журнал «Изида». «Разоблачённая И.» (1877) – двухтомная книга, сводящая все религиозные и оккультные учения к одному типу, надиктованная известной теософке Е. П. Блаватской несколькими сокрывшимися авторами. Свидетельства о состоянии, в котором Е.П.Б. писала данную работу, позволяют предположить её непричастность или вселение иных астральных тел, руководивших ею. Результатом стало мощное осмеяние книги и, как следствие, отсева профанов от истинного состояния дел.

¹⁴³ Шарль Мари Рене Леконт де Лиль (1818–1894), поэт, член Французской Академии. Приверженец течения «искусства для искусства». НСГ и О. Мандельштам видели в нём одного из предшественников школы акмеистов. Влияние Леконта де Лиля чувствуется в ранних произведениях НСГ.

¹⁴⁴ Наверное, правильное было бы Хосе, но уже прижилось. 1842–1905. Французский поэт кубинского происхождения, ученик Леконта де Лиля. В определённом смысле предвосхитил «магический реализм», сделавший латиноамериканскую литературу чрезвычайно популярной в двадцатом веке во всём мире. Стихотворения Эредиа переводили, в числе других, НСГ, М. Волошин, М. Лозинский.

¹⁴⁵ Эпизод из национальной мифологии США, одновременно реальное событие, породившее огромное число текстов, кинофильмов и компьютерных игр. Бандиты Аль Капоне расстреляли конкурирующую банду 14 февраля 1929 года.

¹⁴⁶ От *араше*, индейцы-апахи. Уличные хулиганы и мелкие бандиты, в основном парижские. К началу XX века практически выбиты полицией. Создали свою оригинальную субкультуру, от которой нам остался воротник апаш.

¹⁴⁷ Потомок знаменитого отца Жозефа дю Трамбле (1577 – оф.1638), «серого кардинала», порученца кардинала Ришелье и исполнителя самых неприглядных поручений.

¹⁴⁸ Л. Чарская, псевдоним Лидии Алексеевны Чермиловой (1875–1937), русской детской писательницы. Уже дебютная повесть «Записки маленькой гимназистки» принесли ей бешеный успех, поставив, согласно опросам, на третье место по популярности среди детей-читателей – после Гоголя и Пушкина, но выше Марка Твена, Тургенева, Жюль Верна и Луи Буссенара.

бергу я внушил невинным, на взгляд профана, триолетом¹⁴⁹ неодолимую жажду, и он, говоря по-лесковски¹⁵⁰, устроил себе чертогон¹⁵¹. С ним таскались по всему пароходу два журналиста, немец и американец, приставленные своими редакциями к знаменитой парочке на случай очередного пряного скандала. Я же – *играл*... Стихи мне читать можно было только чужие, с немецкой поэзией у меня отношения не те, что у Блока, а – сложные; но чего только не сделаешь по вдохновению...

В промежутках между приёмами пищи и амурами (кухня, к счастью, была не английская, амуры же являются неперменным атрибутом трансатлантических лайнеров) я читал запрещённый к ознакомлению доклад Якова Сауловича Агранова на чрезвычайной коллегии официально упразднённого Рабкрина¹⁵². Уйдя в тень, Рабкрин стал главным исполнительным органом советского тайновластия. Кто входил в его состав, знали только Сталин, Микоян¹⁵³, сами члены инспекции – и мы, Пятый Рим. Был у нас там свой человек...

Память у него была абсолютная, и все красоты бюрократического слога он передавал с необыкновенной выразительностью. Особенно пикантно это читалось в обратном переводе с санскрита¹⁵⁴. Доклад был исключительно красив: пергамент, рисунки пером (отношения к содержанию не имеющие), кожаный чёрный переплёт; на вид – лет триста книге... Даже если она попадёт к специалисту-индологу, он будет её истолковывать в понятиях своего ремесла и не заподозрит, что речь идёт о событиях российских и недавних. Сочтёт, что это наставление какого-нибудь Чандрагупты¹⁵⁵ сыновьям...

Товарищ Агранов довёл до сведения собравшихся, что само понятие магии не противоречит ни атеизму, ни историческому материализму, ни, тем более, материализму диалектическому. (Я давно заметил, что не существует в природе явления, способного сколько-нибудь успешно противоречить диалектическому материализму. Или, может, явления просто-напросто не хотят с ним связываться?)

Почти сразу же творчество Чарской было подвергнуто уничтожительной критике со стороны коллег, и прежде всего – Корнея Чуковского. После революции книги Л. Чарской перестали издавать, поэтому Лидии Алексеевне пришлось сменить псевдоним. Правда, большого успеха её новые произведения не имели. По прошествии лет взгляд на творчество Л. Чарской стал более спокойным и объективным. Слово Вере Пановой: «...писательница обладала фантазией и не скупилась на приключения для своих героев и особенно – героинь. Чего-чего не случилось с ними: они и из дому убегали, и на конях скакали, становились и укротительницами диких зверей («Сибирочка»), и сестрами милосердия в холерном бараке («Сестра Марина»), и актрисами, и чуть ли не монахинями («Лесовичка»). Под конец они либо трогательно умирали («Огонек»), либо выходили замуж («Сестра Марина»), либо, чаще всего, благополучно находили своих родителей, от которых были отторгнуты («Сибирочка», «Лесовичка»)». Теперь мы бы посмеялись над всеми этими чувствительными выдумками, но тогда Чарская имела головокружительный успех, и теперь, поняв, как это трудно – добиться успеха, я вовсе не нахожу, что ее успех был незаслуженным. Она выдумывала смело, щедро. Она ставила своих героев в самые невероятные положения, забрасывала в самые невероятные места, но она хорошо знала все эти места – и закулисную жизнь цирка, и холерный барак, и швейную мастерскую, и монастырскую школу. Знала и обыденную жизнь с ее нуждой и лишениями...»

¹⁴⁹ «Твёрдая» форма, стихотворение из восьми строк, где всего две рифмы, и они повторяются: первый стих во строй и седьмой строке, а второй в последней.

¹⁵⁰ Николай Семенович Лесков (1831–1895) – великий русский писатель и журналист, автор «Левши», «Запечатлённого ангела», «Очарованного странника», «Леди Макбет Мценского уезда» и многих других прекрасных произведений. Непревзойдённый стилист. За недостаточно восторженное изображение нигилистов и революционеров в романах «Некуда» и «На ножах» был подвергнут уничтожительной критике со стороны «левых» критиков.

¹⁵¹ Двойная аллюзия: к названию повести Лескова «Чертогон» (1879) («...С этих пор я вкус народный познал в падении и в восстании... Это вот и называется чертогон, «иже беса чужеумия испраздняет». Только сподобиться этого, повторяю, можно в одной Москве, и то при особом счастье или при большой протекции от самых степенных старцев») и к выражению «гонять чертей» – допить до галлюцинаций, впасть в делириум.

¹⁵² Рабоче-крестьянская инспекция (1920–1934?) – система учреждений, контролировавших государство. Якобы распущена. Первым руководителем до 1922 г. был аватар Эрлика И. В. Сталин.

¹⁵³ Анастас Иванович Микоян (1895–1978) – выдающийся советский политический и государственный деятель, закреплённый маной «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Аватар Ваагна с частично утраченными свойствами.

¹⁵⁴ В перев. «усовершенствованный, отделанный». Древний нормативный язык Индии, скорее язык культуры, чем какого-то народа – индоевропейская семья, индо-иранская ветвь. Очень сложная грамматика, несколько систем письменности.

¹⁵⁵ *Чандрагупта* (4 в. н. э.) – не какой-нибудь, а махараджадхираджа, царь царей, правитель и расширитель Индии.

Так вот, продолжал товарищ Агранов, наряду с известными силами, военными и политическими, окружающими железным кольцом перманентной агрессии первое в мире государство рабочих и крестьян, а также демонами внутренними, стремящимися нанести Советской власти предательский удар сзади в сердце, – существуют силы незримые, но не менее опасные. Совсем недавно, сказал Яков Саулович, органы разоблачили группу так называемых тамплиеров¹⁵⁶, ошибочно либо с целью маскировки мнящих себя наследниками Сионского ордена¹⁵⁷. Не будем забывать, товарищи, что тамплиеры являлись союзниками псов-рыцарей Ливонского и Тевтонского орденов, исконных врагов и поработителей рабочих и крестьян. Эти выродки исхитрились добыть образцы волос, ногтей и спермы одного из вождей пролетариата. Органам ОГПУ в последний момент удалось осуществить подмену материала, и кровавый замысел извергов рода человеческого с позором провалился. Эти изверги, товарищи, сделали восковую куклу вождя и проводили над ней инвольтацию, а если попросту – пытали её вязальными спицами. Сотрудник-доброволец, сдавший свой материал, скончался в страшных судорогах в битве за освобождение человечества.

В свете борьбы с религиозным мракобесием мы приняли решение не предавать дело огласке и не проводить открытый судебный процесс. Только этого и ждут от нас наши противники, чтобы начать злобный вой в Лиге Наций¹⁵⁸ насчёт колдунов-комиссаров. В то же время за кордоном существуют многочисленные оккультные и эзотерические центры, контролируемые крупным финансово-промышленным капиталом и белоэмиграцией. Они насылают на молодую Советскую республику болезни, катастрофы, неурожай и наводнения. Без видимой причины падают с неба наши самолёты, меняется в худшую сторону сортность чугуна и стали. Мы чувствуем нарастающую активность вражеского воздействия. И мы обязаны противопоставить чёрной и белой, а проще, товарищи, белогвардейской магии – нашу красную магию! И органами с первого дня их существования ведётся беспощадная борьба с астральной интервенцией, которая стократ опаснее интервенции военной...

В первую голову следует, конечно, обеспечить личную неприкосновенность руководителей нашей партии. Кое-кто, сохранивший в сознании пережитки военного коммунизма, говорит в запальчивости о привилегиях и отрыве от масс, но мы-то знаем, товарищи, что враг затаился везде: в непроверенном куске хлеба, в простом пассажирском вагоне, во всех местах общественного пользования. Да-да, товарищи, обычная похабная писанина на стенах сортиров может оказаться далеко не безобидной! Только по этой причине мы вынуждены выделять нашим вождям для проживания охраняемые помещения, находящиеся в обособлении от других строений. Проверенные органами дворники несут службу круглые сутки, вылавливая бродячих кошек – а это, уверяю вас, вовсе не те, за кого они себя выдают. Кроме того, в обязанности дворников входит постоянная зачистка территории от снега и прочих осадков: ведь если враг вынет след вождя и сделает на его основе гипсовую отливку, последствия будут неисчислимы. (Голос из зала: а если ковры стелить? – Это очень интересная мысль, товарищ...) Кроме того, проводятся профилактические мероприятия, нацеленные на затруднение деятельности врагов, как то: переименование населённых пунктов, в именах которых содержится прямой или опосредованный эзотерический смысл. Вовсе не тщеславием и не личной нескромностью большевиков объясняется всё это. (А Москву почему?... – голос из зала. – Москва, товарищи,

¹⁵⁶ «Бедные рыцари Христа и Храма Соломона», религиозно-военный орден, основан в 1119 г. Гуго де Пейном. По причине накопления огромных богатств, власти и тайных знаний (а следовательно, претензии на власть выше королевской) стал объектом преследования французскими королями, был разгромлен и официально упразднён в 1312 году. Гибель тамплиеров по сути стала последним гвоздём в гроб прекрасного символизма и новым камнем в здании «жадного, бесплодного торгового духа» (Г. Ли) церкви нового времени. Сейчас – международный филантропический рыцарский орден, связанный с масонством.

¹⁵⁷ Тайное общество, наследующее *тамплиерам*. Среди магистров Ордена – Жюль Верн и Жан Кокто.

¹⁵⁸ Международная организация, союз 58 государств, созданная в 1919–1920 гг. для улучшения жизни на планете. Не получилось. Самораспустилась 20 апреля 1946 г. (Ровно через год после смерти Гитлера. Совпадение? Не думаю... – ДХШ)

это наш главный резерв. Её переименовывать будем только в крайнем случае.) Запланирован и ряд других мероприятий: размещение повсюду защитительных символов: пентаграмм, оживальных крестов: я имею в виду серп и молот, и не смейтесь, товарищи, попы тоже кое-что понимали в охранительных символах, иначе кровавый режим Романовых не продержался бы триста лет, – а также полиграмматонов¹⁵⁹ узкого и ненаправленного действия. (Голос из зала: ты простыми словами давай, товарищ Агранов!)

О полиграмматонах у нас будет долгий и подробный разговор, и товарищ Неронов вам всё надлежащим образом объяснит. Я продолжаю общий обзор...

Тем временем наш с Марлен роман происходил взрывообразно. Мне совершенно не с руки было рисковать своей репутацией лучшего курьера Ордена, но, с другой стороны глядя, отказаться от такой женщины... Впрочем, я уже повторяюсь. Теперь оба моих глаза согласно смотрели только на один предмет...

Сравнительно недавно отметили чёрную дату: двадцатилетие гибели «Титаника», причём в этих же водах. Мужчины нервно и всегда неудачно шутили, женщины, как существа более практичные, интересовались состоянием шлюпок и спасательных поясов. Из детей здесь был только один американский мальчик – зато уж такой противный, что ему и утонуть не помешало бы. Он мнил себя вождём краснокожих¹⁶⁰, но воины моего детства наверняка утопили бы этого «вождя» в поповском пруду. Первый помощник старался рассеять атмосферу тревоги, распевая приятным голосом арии из итальянских опер. Тут же все вспомнили знаменитый оркестр «Титаника»...

Между тем фон Штернберг с проникательностью, присущей людям искусства, почувствовал что-то неладное и стал чаще обычного (и всегда втроём) навещать своего «голубого ангела». Прав был Шульгин¹⁶¹, обличая евреев: нет ничего противнее хохла-радикала и пьяного немца... Марлен это смущало, да и женская половина населения парохода, страдающая от сплина, отвлеклась от готовности шлюпок и фасонов шляпок, чтобы заняться нами. Камеристка Марлен, постоянно теряющая вставные зубы, отвечала им на все вопросы невразумительным шипением.

Я отловил гадкого мальчишку на верхней палубе, где он пытался тупым перочинным ножом вскрыть сигнальный ящик.

– Тебя как зовут, ковбой?

– А твоё-то какое дело? – сказал он, не поднимая конопатой физиономии, и продолжал ковыряться в замке.

– А такое, что посмотри-ка вон туда. Видишь айсберг?

– Где?

– Вон там. Может быть, это тот же самый...

– Да ну... скажешь...

– А может, и не тот. Может, другой.

– Айсберг... – сказал мальчишка тихо и пошёл к трапу, повторяя: – Айсберг... Айсберг...

¹⁵⁹ По разъяснению Д.Х.Ш., мощное словесное воздействие, кодированное в сочетание нескольких десятков слов (напр. Большой и Малый загиб Петра Великого, Большой и Малый шлюпочный загибы, «Коммунистический манифест»). Для непосвящённых выглядит монотонным завыванием, а потому не вызывает защитной реакции и необходимого пресечения. Жуткая штука.

¹⁶⁰ Малый демон разрушения и неповиновения, часто воплощающийся в детях. Оpoznан и описан Уильямом С. Портером (1862 – оф.1910).

¹⁶¹ Шульгин, Василий Витальевич (1878–1976) – русский политик, монархист, писатель, журналист, мемуарист. Один из создателей Белого движения. «Втёмную» был использован ГПУ в осуществлении «Операции «Трест». После Отечественной войны отбыл 12 лет во Владимирском центральном с Даниилом Андреевым (см.) и японскими военнопленными. Был лично знаком с Гурджиевым, Сакко, Тухолкой и другими видными оккультистами, способностями не обладал, но под воздействием микродозы ксериона дожил до 98 лет.

Теперь его хватит надолго.

Через полчаса пассажиры стали скапливаться у правого борта. Айсберг видели уже все, и даже капитан в свой бинокль тоже видел айсберг. Смотреть приходилось против садящегося солнца, и в бликах можно было разглядеть решительно всё, вплоть до всплывшей раньше положенного срока Атлантиды. Постояв немного со всеми, я тихонько вывел из толпы мою Марлен, не отрываящую взгляда от горизонта, и увлёк в каюту. Если мы утонем, любимая, то мы утонем вдвоём, как те, которых откопали в Помпее... Образ был, конечно, чудовищный, но почему-то ничего другого в голову не пришло...

Ночью во все каюты ломились господа репортёры – якобы в поисках своих «лейки» и «кодака»¹⁶². До моей каюты они не добрались, потому что мистер Атсон жил чуть ближе к трапу, а после беседы с ним ни желания, ни возможности продолжать поиски у них не было. Знаем мы этих скотопромышленников из Чикаго...

Фон Штернберг, говорят, плакал под дверью греческого принца, полагая, что Марлен стала очередной жертвой сиятельного повеса. На самом же деле сиятельный повеса страдал морской болезнью в столь острой форме, что его укачивало даже при взгляде на фонтан, и он в продолжение всего рейса не вставал со своего ложа скорби (а отнюдь не страсти). Тогда, во всяком случае, все так думали.

Завтрак в каюту мы догадались заказать только на второй день. Стюард получил неплохую мзду за скромность. А на четвёртый день меня почему-то потянуло к товарищу Агранову Якову Сауловичу... Сказать самой Марлен Дитрих «Ступай, милая», словно горняшке, было как-то неловко, а я, в отличие от Осипа, так и не изучил «науку расставаний»¹⁶³, но тут – начало качать...

И качало, должен вас уверить, хорошо. Марлен от морской болезни не страдала, равно как и я, но вот беда: луна была к нам немилостива... да и камеристке Марлен стало так плохо, так плохо... а хорошая камеристка для актрисы значит стократ больше, чем расторопный денщик для гвардейского офицера. Поэтому...

Я проводил Марлен и с рук на руки передал тёмно-зелёному фон Штернбергу. Виски и качка совместными усилиями сотворили чудо: он по-прусски твёрдо стоял на ногах, но во всех мужчинах видел греческого принца, бедняжку. Меня он именовал «ваше высочество», а я не стал его поправлять.

¹⁶² первые малоформатные фотокамеры с тубусными объективами. Советские аналоги, ФЭД и «Зоркий», были почти точной копией. Замечательные и высоконадёжные аппараты.

¹⁶³ Отсылка к стихотворению О. Э. Мандельштама «Tristia». Осип Мандельштам – один из величайших русских поэтов XX в. Был близким другом НСГ. Подробнее о Мандельштаме в примечаниях к роману «Гиперборейская чума».

6

Нехорошо, госпожа, рассказывать о злодеяниях, мною виденных и слышанных, потому что один рассказ о них может принести вред.
«Шукасаптати»¹⁶⁴ – Вот так, Илья, – сказал Николай Степанович. – А теперь рассказывай.

– Что рассказывать? – спросил Илья.

– Всё.

И – хлынуло из него... В сумбурной, местами русской, местами цыганской, местами испанской речи события осени сорок второго мешались с зарёй перестройки, а ужас воспоминаний о том, как ягд-команды¹⁶⁵ гнали отряд на эсэсманов, а эсэсманы – на егерей, мерк перед ужасом недавним, когда заявили к нему, барону крымских цыган, какие-то неправильные – с виду цыгане, но речи не знавшие и вытворявшие такое, что он, в свои шестьдесят пять ещё чёрный, как головешка, поседел за неделю... не спрашивай, батяня, лучше не спрашивай, всё равно не смогу рассказать, потому как и слов таких нет, и грех, смертный грех об этом даже рассказывать...

– Илья, – сказал Николай Степанович. – Помнишь обер-лейтенанта Швеллера? У него ведь тоже слов не было, поскольку русского не знал. А как рассказал-то всё!

– Батяня... Боюсь я. Вот те крест: боюсь до смерти. Хуже смерти. Вот сейчас мы с тобой говорим, а они слушают... Под полом сидят.

Николай Степанович посмотрел на Гусара. Гусар отрицательно покачал головой.

– Нету никого поблизости, Илья.

– А не надо и поблизости. Вот тебя они за сколько тысяч километров услышали?

– Так ведь я сам сюда попал. Они это и засекли. Это-то и дурак засечь может.

– Ой, не знаю я, командир... тебе, может, и видней, а только не понимаешь ты, с кем связался...

– Это они не понимают, с кем связались, – сказал Николай Степанович, щурясь от папиросного дыма. – Помнишь, как Эдик Стрельцов после отсидки¹⁶⁶ на поле вышел и кое-кому класс показал? Вот примерно так я себя сейчас чувствую.

– Показал, – согласился Илья. – Да недолго прожил...

Они сидели на веранде дачи одного старинного коктебельского приятеля (а точнее сказать – внука одного старинного коктебельского приятеля) Николая Степановича. Было очень тихо вокруг. Домики соседей стояли закрытые. Два мощных кипариса росли по обеим сторонам крыльца. Пахло сыростью и прелой листвой. На Илью с перепугу накатила жора, он опустошал одну за другой банки с хозяйской тушенкой и запивал хозяйской «изабеллой». Николай же Степанович, напротив, испытывал отвращение ко всяческой пище. Он лишь пригубил вино и теперь жевал корочку, чтобы унять спазмы в желудке.

– Ну, ты меня до срока не отпевай, а давай по порядку: сколько их было?

– Сначала – четверо.

– А потом?

¹⁶⁴ Эпиграф взят из средневековой индийской повести «Семьдесят семь рассказов попугая» («Шукасаптати»). М. 1960, рус. пер. М. А. Ширияева.

¹⁶⁵ С 1942 года – небольшие подвижные спецподразделения вермахта по борьбе с партизанами. Комплектовались из егерей, охотников, спортсменов. Вооружались, снабжались и готовились элитно.

¹⁶⁶ Эдуард Анатольевич Стрельцов (1937–1990). Замечательный советский футболист. В 1958 году был арестован по, вероятно, сфабрикованному обвинению в изнасиловании. Следствие велось крайне предвзято – возможно, ему не могли простить отказ перейти в «Динамо». Вышел на свободу в 1963. Вернулся в большой спорт в 1965 году и дважды выигрывал в составе «Торпедо» Кубок СССР.

- Не сосчитать, командир. Они же лица меняют, вот как мы – штаны.
- Понятно. Стрелять не пробовал?
- Один мой попробовал...
- Ну, и?...
- Рука чернеть начала. Потом его же и задушила. Своя же рука.
- Это они тебе глаза отвели.
- Клянусь, батяня! Я, что ли, не знаю, как глаза отводят? Да я сам кому хочешь отведу!

Настоящие они... Те самые...

- Настоящие кто?

Илья огляделся по сторонам, потом наклонился вперёд и прошептал:

- Барканы.

Николай Степанович откинулся, посмотрел на Илью с особым интересом.

- А ты откуда это слово знаешь?

– Цыгане много чего знают, командир. Знают, да не говорят. Потому, может, и носит нас с места на место...

- Чтоб не нашли?

- Не смейся, командир. Это ж не от головы, это от задницы идёт.

- Мне, брат, не до смеха. Идём дальше. Свою порчу они снимать умеют?

- Должно, умеют. Да как заставить?

- Заставить – дело моё. А найти их – ты мне поможешь.

- Командир... лучше кончи меня сам, и на том успокоимся. Лучше ксерион найди.

– Глухонемой сказал, что раньше марта не доставят. А кто доставляет и откуда – не знает он. Может, ты знаешь?

– До конца не знаю. Но доставляет его откуда-то с Урала человек с пятном вот здесь, – и Илья показал на лоб.

- Горбачев Михаил Сергеевич? – усмехнулся Гумилёв.

– Опять смеёшься, командир... Имя его не знаю, а зовут – Серёга-Каин. И будто бы, брешут, он тот самый Каин и есть...

– Брешут, – сказал Николай Степанович. – Тот помер давно. Ламех¹⁶⁷ его замочил. Так что – не тот.

- Тебе виднее, командир, – неуверенно сказал Илья. – Может, и не тот...

- В лицо ты его знаешь?

- Да.

- Значит, найдём... Теперь дальше: что это было за паскудство с детишками?

– Ох, командир, командир... теперь на всех цыганах грязь через это... Они это делали, они, понимаешь? Не цыгане. А зачем и для чего, я не знаю. Не побираться, нет. Денег у них и без того... не приснится нам столько даже к большой войне...

- Куда они детей потом девали? Кто увозил, знаешь?

- Морем увозили, а кто и куда – только старая ведьма знала. Вот её и пытай.

- Оно бы можно было, да сильно мой друг осерчал, когда внутрь вошёл и всё там увидел.

- Постой, командир. Он что, её видел?

- Видел.

- И... что?

– Кончил он её. Да так, что и допросить уже нельзя было. Нечего было допрашивать. Мозги по стенам.

¹⁶⁷ Либо шестой потомок Каина, сын Мафусаила, либо восьмой потомок Сифа, отец Ноя. Следствие по делу об убийстве Ламехом прапрапрапрадедушки пришло к выводу, что имел место самооговор с целью получения обещанной богом награды.

- Он её кончил – и живой остался?! Значит, можно их?...
- Можно, Илья. Если не бояться – всё можно. Илья, вспомни, как ты карателей боялся, а потом они от тебя бегали, от сопляка?
- Тогда, командир... – Илья встал, распрямился. – Боец Агафонов поступил в ваше распоряжение!
- Вольно, боец. Продолжайте песни петь и веселиться...
- А я ведь тебя искал, командир, – сказал Илья, вскрывая очередную банку. – И как из Аргентины вернулся, и потом, когда эти... Была у меня на тебя надежда. И все цыгане тебя искали для меня.
- Это трудно сделать, пока я сам не позволю, – сказал Николай Степанович. – Или не вляпаюсь по неосторожности...
- Я ещё там, в болотах, понял, что не простой ты человек, – сказал Илья с гордостью. – Ещё до того, как ты открылся.
- Не свисти, боец. Если кто чего и понимал, так это наш Филя. А чего ты из Аргентины-то вернулся? К берёзкам потянуло?
- Не согласен оказался я с кровавым режимом Перона¹⁶⁸, – важно сказал Илья и вдруг захохотал.
- Понятно. Жеребца у кого-то увёл.
- Не, командир. Выше бери.
- Ну, тогда бабу у Перона. Эву – или как её там?...
- Не, командир. Ещё выше.
- Эйхмана для евреев выкрал¹⁶⁹?
- Илья обомлел. Пустая банка выскользнула из руки и покатилась по столу и шмякнулась на пол.
- Ну ты колдун, командир... – сказал он севшим голосом.
- Так ты теперь должен быть почётным гражданином Израиля?
- Ну так... да. Почётный. Сказали, даже обрезания можно не делать.
- А там тебе чего не зажилось?
- Ну... жарко там. Да и тесно.
- Не развернёшься? – посочувствовал Николай Степанович.
- Вроде того... Да и война там всё время... И по субботам – ни петь, ни пить... Хоть и не в том дело. А не знаю сам, командир. Плюнул на всё, дом продал и сюда приехал. Зачем, почему... Может, знал, что тебя увижу. Может, ещё что.
- Как там наши полешуки¹⁷⁰, в Аргентине-то?
- А как была вёска, так вёска и осталась. Живут. Гражданство купили за твоё золотишко, налоги платят, и дела никому до них нет.
- Поезда под откос не пускают?

¹⁶⁸ Хуан Доминго Перон (1895–1974), президент Аргентины, два срока – 1946–1955 и 1973–1974. Заигрывал с националистами и рабочими, довёл страну до гражданской войны. Вторая его жена стала элементом мировой масс-культуры, а третья – первой в мире женщиной-президентом.

¹⁶⁹ Принято считать, что сделал это Питер Малкин, «Агент семь сорок», 11 мая 1960 года, прямо на улице Буэнос-Айреса. Адольф Эйхман (1906–1962) возглавлял отдел гестапо, занимавшийся депортацией и истреблением евреев. По официальным данным, обеспечил уничтожение 4 млн. человек – поляков, цыган, евреев, чехов. Впрочем, как в деятельности Эйхмана, так и в обстоятельствах его похищения много неясного, и не исключено, что он был просто опасным свидетелем закулисной деятельности спецслужб. Повешен по приговору суда.

¹⁷⁰ Устаревшее название жителей белорусского Полесья. *Вёска* – асноўны тып сельскага паселішча на Беларусі. На працягу многіх стагоддзяў вёска была хавальніцай самабытных народных традыцый, што стварала грунт для нацыянальнага адраджэння і этнічнага самазахававання беларускага народа. Вот так вот. (ДХШ)

– Да нет там откосов... По праздникам, бывает, с немецкой деревней стенка на стенку бьются. За командира, мол – получите!.. Ты им напиши непременно, что жив. А то забьют немцев, изведут ни за что...

Промедление смерти

(Мадагаскар, 1922, октябрь)

Почему эту башню называли башней Беньовского, так и осталось загадкой, поскольку, судя по выщербленности белого камня её стен, стояла она здесь ещё в те времена, когда предки известного русского пирата только ещё пришли в степи Паннонии¹⁷¹.

Удивительный он был человек, этот граф Мориц-Август¹⁷²: будучи венгром, ввязался в восстание польских конфедератов, был бит, поначалу в бою, а потом кнутом, сослан на Камчатку, где взбунтовал ссыльных, угнал бриг «Пётр и Павел», основал русское поселение на Мадагаскаре и совсем было собрался учредить там коммунизм (промышляя на морских торговых путях), но тут пуля французского морского пехотинца поставила точку в его военно-политической карьере. Скорее всего, мальгаши настолько боготворили сакалава Беньовского, что возведение древней башни приписали именно ему – а кому же ещё?

Нет, много, много раньше была возведена Белая Башня, одна из четырёх сущих в мире. Строили её, не прикладая рук человеческих, да и Мадагаскар не был островом¹⁷³ в те недоступные ни памяти, ни воображению годы.

Среди мальчишек-учеников я чувствовал себя Ломоносовым в Греко-латинской академии – и, возможно, за спиной моей так же шептались: «Гляди-ко, кака дубина стоеросовая учиться грамоте собралась!...» И, как Ломоносов, я весь с головой ушёл в занятия, чтобы не слышать этих шепотков.

Всю прежнюю жизнь учение мне давалось легко, а потому учился я скверно, упустив столько возможностей, что и перечислить нельзя. Мне, видевшему себя вторым Стенли¹⁷⁴ или первым Бартоном¹⁷⁵, не удавалось набросать простейшие кроки, и то же самое было с языками: я мог читать на трёх, но понимали меня только на родном. Привычки к последовательным, обязательным и кропотливым штудиям не было, поэтому в первые месяцы здесь мне приходилось тратить большую часть сил именно на преодоление натуры. Здесь некому было сказать, заступаясь за нерадивого гимназиста: «Господа, но ведь мальчик пишет стихи!...»¹⁷⁶

Здесь все писали стихи. И одновременно – никто.

¹⁷¹ Римская, а затем византийская провинция, населённая множеством племён, традиционно связываемая с иллирийцами и кельтами, а ныне относящаяся к территориям западной Венгрии, Австрии, Хорватии, Словении и Сербии.

¹⁷² Мауриций Бенёвский (Беньовский) (1746–1786) – авантюрист, военный, путешественник. Словак по отцу, венгр по матери. За участие в польском восстании сослан в Большерецк на Камчатку. Распропагандировав неспившихся ссыльных, поднял восстание, в котором убили коменданта крепости, захватил и снарядил для дальнего плавания галеот «Святой Пётр». Через Курилы и Японию, где их на диво хорошо приняли, через Тайвань, где их едва не перебили, через Макао, где выдали себя за поляков, но едва не перемерли от местных лихорадок, бенёвцы на зафрахтованных французских судах добрались до Маврикия. Оттуда переправились во Францию, из которой половина русских вернулась на родину и не была даже наказана. На Мадагаскаре МБ побывал дважды, успев избраться в короли союзом племён и начать строить столицу, затем повоевать на стороне Франции, побывать в Америке, увлечь американцев и англичан проектом нового государства. Прибыв американским судном на остров, МБ собрался выбить с него французов, но был убит в стычке с отрядом капитана Ларшера. Мемуары МБ пользовались невероятной популярностью.

¹⁷³ Не был – до того, как 88 млн. лет назад откололся от той части континента Гондвана, которая стала полуостровом Индостан. Предполагается, что он был и частью ещё более загадочного континента Лемурия, потонувшего в Индийском океане.

¹⁷⁴ Генри Морган Стенли (1841–1904) – журналист, путешественник, африканист, кавалер Большого креста ордена Бани.

¹⁷⁵ Сэр Ричард Френсис Бартон (точнее, Бёртон, 1821–1890) – путешественник, писатель, поэт, переводчик, этнограф, лингвист, гипнотизёр, разведчик и дипломат. Среди множества других дел совершил путешествие в Мекку, переодетым и искусно скрывающим свою личность. Имел полное право считаться хаджи и носить зелёную чалму. Главный герой романа Ф. Х. Фармера «Мир Реки».

¹⁷⁶ фраза И. Ф. Анненского, заступившегося за Николая Гумилёва, которому грозило исключение.

Потому что не стихи нас учили писать, а находить в стихотворческом исступлении истинное Слово, запоминать его и никогда не применять.

Каково было мне, синдику¹⁷⁷ Цеха поэтов¹⁷⁸, осознавать, что моё умение и знание стиха – сродни папуасскому понятию об устройстве аэроплана...

Единственное, что меня примиряло с реальностью, – так это то, что и Ося¹⁷⁹, и Есенин, и покойный Блок, не говоря уже об Аннушке, чувствовали бы себя здесь столь же неуверенно и неуютно. Аннушке трудностей добавило бы ещё и то, что одевались мы в холстину, спали на циновках и ходили босиком, как абиссинские ашкеры¹⁸⁰. Но вовсе не от бедности – по уставу.

Никогда я не писал так много и так странно. Что-то выходило, выползало, вытекало из меня, отливаясь в строки. Но что – не знаю, не помню, а восстановить не получается. Помню только, что писать нам позволялось лишь в огромных чёрных книгах¹⁸¹, похожих на амбарные, причём на каждой странице изображены были запирающие знаки. Специальный служитель выдавал нам эти книги и забирал в конце дня.

И всё равно землетрясения на Мадагаскаре случались удивительно часто...

Помню, как в шестнадцатом году в госпитале встретил я родственную бродяжью душу – ротмистра Юру Радишевского¹⁸². Вот закончим войну, мечтали мы, спасём цивилизацию от тевтона, проедем на белых конях по Берлину, залезем, в посрамление всем, на купол германского Рейхстага, водрузим там российский флаг – а потом, всюду чтимые победители, закатимся как раз сюда, на Мадагаскар, обойдём его весь года за два, станем вождями племён или великими географами...

В тот день я ушёл от всех в горы. Тонкий ручей звенел в зарослях, изредка являя солнцу сверкающую спину. Острые камешки уже не могли повредить моим ступням. Высокие цветущие кусты обрамляли тропу. Две бабочки, огромные и розовые, как ладони воина, покачивались на ветке. Птичий гомон то нарастал, то почему-то прекращался. Слева проступали в густой синеве вершины далёких вулканов, прямо – угадывался океан. Ленивец, висевший на лиане подобно перезревшему плоду, при виде человека не только не убрался с дороги, а ещё и, распушив хвост, мазнул меня по лицу. Он чувствовал себя здесь в своём праве – реликт пропавшей Лемурии. На пузе у него сидела беспечная бабочка. Маленькое стадо коз перебежало, смеясь, тропу. Это могли быть и дикие козы, и домашние. Мальгаша сами не всегда различают их...

В конце подъёма (сердце у меня не билось, и я не хватал ртом воздух, как делал бы ещё год назад) я увидел огромный панданус, дерево-рощу, непонятно как возросший здесь, на голых камнях. Его воздушные корни, подобно когтистым лапам, вцеплялись в глыбы старой лавы, протискивались в узкие трещины и щели, распластывались по-осьминожки по камню, сиюсь захватить всё пространство. Птицы неистовствовали. Весенний месяц октябрь... как странно.

В Петрограде холод и слизь, большевики готовятся к октябрьским торжествам. Предвкушая раздачу праздничных пайков и демонстрацию трудящихся. Отсюда Петроград казался городом измышленным, никогда не существовавшим в действительности, а единственно в предсмертных видениях государя Петра Алексеевича...

¹⁷⁷ *Синдик* (ср. *ср. д. в. к.*) – старейшина цеха ремесленников. Синдики ЦП должны были учить и выучивать подмастерьев.

¹⁷⁸ Существовало нескольких поэтических объединений с таким наименованием. В Петербурге основано НСГ и С. Городецким в 1911 г.

¹⁷⁹ Дружеское обращение НСГ к О. Э. Мандельштаму.

¹⁸⁰ Солдаты армии негуса, императора Эфиопии. Великий эфиопский бегун-марафонец Абебе Бикела во время Римской олимпиады (1960) бежал босиком и поставил рекорд Игр. Правда, в спортивной обуви он пробежал эту же дистанцию на три минуты быстрее.

¹⁸¹ Чёрную книгу со стихами НСГ вспоминает ещё и Ирина Одоевцева.

¹⁸² Реальное лицо, друг НСГ и персонаж романа М. Г. Успенского «Три холма, охраняющие край света» (2007).

Белые, комьями и горами, облака вставали из-за перевала.

Здесь часто бывало так, и я нигде и никогда больше не видел подобного: облака летели навстречу друг другу, сталкиваясь и пожирая друг друга, словно пытались разыграть передо мною сцену из древнего мифа, сложенного народом, давно покинувшим лицо земли...

А я понимал себя первым и пока единственным человеком на свете, пришедшим на смену тому неведомому племени. Много странных существ мне предстоит найти – и каждой нужно будет дать имя. Беда, если существо не уложится в это имя... Беда поэту и магу, сбившемуся с Пути...

Налетел ветер, толкнул в грудь. Ветви пандануса вдруг шевельнулись – и тугая волна прошла по ним от края до края необъятной кроны, будто змей или дракон, проснувшись, потянулся и вновь свернулся в кольцо. На миг сверкнул между листьев кровавый глаз – и тут же померк, убедившись в отсутствии перемен.

К тонким внешним стволам пандануса мальгаши привязывали из года в год¹⁸³ разноцветные ленточки, лоскутки и нитки бус, каменных и стеклянных – на счастье. За счастьем же и пришли сюда старик и девочка...

Старику было за сто, девочке – года четыре. На них были белые одежды. В костяной, табачного цвета руке старик держал отполированный временем чёрный посох. Через плечо девочки перекинута была тряпичная торба, набитая чем-то объёмным, но лёгким.

– Здравствуйте, люди, – сказал я по-мальгашски.

Старик молча поклонился, а девочка посмотрела на меня такими чёрными и такими огромными глазами, каких у людей не бывает. Старик шепнул ей на ухо, она подбежала ко мне и вложила в ладонь что-то тёплое и твёрдое. Я посмотрел: это был золотой православный крестик с закруглёнными лопастями и русской надписью «Спаси и Сохрани».

– Красавица, – растерялся я. – Да мне и отдарить тебя нечем...

Девочка улыбнулась и развела руками. Я посмотрел на старика. Тот медленно кивнул и сделал странный жест, значение которого мне предстояло понять много позже...

¹⁸³ Охранительный ритуал, общий для многих племён мира: одиноко растущее дерево считается обиталищем духов, оберегающих странников.

7

*Арлекин не человеческая особа, но бестия преображённая.
«Рождение Арлекиново»¹⁸⁴*

Утром выпал снег, и Москва была чёрно-белой. Мороз щипал лица.

Сегодня вышли без Коминта. Он остался на связи. Берлога Каина располагалась где-то в пределах Садового, и это было всё, что Илья знал. Но Гусар дал понять, что эта задача ему по зубам...

Вчера бесплодно шатались по Пятницкой. Сегодня решили начать с Тверской.

Гусар, остановившись у собачьего киоска на Маяковского, потребовал купить ему поводок. Николай Степанович поводок купил, нацепил на пса. Гусар взял конец поводка в зубы и вручил его Илье.

– Ага, – догадался Николай Степанович, – он тебя в пару берёт. Ну да, ты же этого Каина по личности помнишь...

Илья, подстриженный коротко и с непривычно босой физиономией, походил сейчас не на цыганского барона, а на популярного актёра, которого все знают в лицо, да вот только фильмов, где он играл, и фамилии его припомнить не могут. Николай Степанович предложил купить ему тёмные очки, но Илья с каким-то остервенением от обновы отказался. В очках пусть барканы ходят...

Илья с Гусаром повлекли Николая Степановича по Тверской в сторону Кремля. На тротуарах было тесно. Николай Степанович сделал попытку остановиться у книжного развала, чтобы купить книжку с собственным портретом на обложке, но его дёрнули за рукав и потянули.

– Больно умный... – проворчал кто-то, скорее всего, Гусар, поскольку Илья на такое нарушение субординации не осмелился бы.

Около гостиницы «Минск» им зачем-то попытался загородить дорогу джигит в адидасовском костюме, но Илья и Гусар хором взглянули на него и даже, кажется, зарычали – и джигит куда-то делся. Скорость его исчезновения была фантастическая.

В подземном переходе женщина в красной шляпке вдруг бросилась к ним с криком:

– Мужчина, какая у вас порода?!

– Цыган я, – честно ответил Илья.

– Ой, да не вы! На чёрта мне вы? Собачка какой породы?

– Цыганский терьер, – подсказал подоспевший Николай Степанович.

¹⁸⁴ Из анонимной комедии масок «Рождение Арлекиново. Комедия италианская», которая игралась при дворе императрицы Анны Иоанновны. Перев. В. К. Тредиаковский (1873)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.